

ЛУЧЕЗАР РАТИБОРА

18+

ПУТЬ
ЧЕРНОКНИЖНИКА

Лучезар Ратибора

Путь чернокнижника

«Автор»

2023

Лучезар Ратибора

Путь чернокнижника / Лучезар Ратибора — «Автор», 2023

Настоящая книга может послужить подсказкой к пониманию магии как искусства и науки. Это отображение моментов и нюансов оккультного развития и обучения в художественной символической форме. Эзотерики найдут для себя знакомые теоретические и практические аспекты магической науки, а возможно, откроют для себя новые мистерии инициаций, законы чернокнижного искусства, особенности обрядов воздействия, тонкости энергетического роста неопитов и адептов и проведения пороговых ритуалов. Людям, далёким от магии, в произведении раскроются: захватывающая история взаимоотношений ученика и Учителя, разные подходы обучения, восхождение по ступеням мастерства в тайном ордене, дружба и предательство братьев-адептов, любовь и измена магов, чародейские битвы персонажей на смерть, чьи кармические нити тянутся из прошлых жизней. Всё это ждёт на страницах романа.

© Лучезар Ратибора, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Форшпиль	6
Пробуждение	9
Поиск Учителя	14
Вторая попытка	18
Попытка третья	26
Слуга	30
Убийство	39
Ученик	42
Тонкости мастерства	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лучезар Ратибора

Путь чернокнижника

Посвящаю своей alma mater – ОХЗДС (Орден Хранителей Знаний Древних Старших).

Много раз встречались они в воплощениях Вечности, в разных телах, ипостасях, эпохах и мирах.

Бывали они Учителем и учеником, мужем и женой, братом и сестрой, родителем и ребенком. Друг друга учили, поддерживали и тянули вверх на Пути к Вечности. То верными друзьями разделяли пищу и кров, то заклятыми врагами уничтожали друг друга, не жалея родных и близких своего врага.

Из жизни в жизнь сквозь века они проносили то безграничную любовь, то неистребимую ненависть друг к другу, встречаясь в своих воплощениях вновь и вновь.

Они продолжают своё восхождение в зонах, и нет таких Сил, способных разлучить их насовсем... Не разорвать невидимые глазу цепи, связывающие их Вечностью, и не отдать никогда те долги, что навсегда останутся между ними, потому что они – части одного Духа, одного эйдоса ¹, что временно распался на две части для ускорения познания...

«Любите врагов ваших, с любовью и состраданием освобождайте их от греховной плоти, с благоговейной щедростью прекращайте их путь мирской, путь мученической жизни в обители порока, с превеликой радостью и любовью провожайте лично к Отцу их Небесному, ибо обретут они отныне покой и гармонию, что недостижима была в человеческой плоти. Благотворите ненавидящим вас и молитесь за упокой обижающих вас и гонящих вас, да не останется ваша молитва втуне, и обретут враги ваши Царствие Небесное вашими молитвами и трудами. А вы и далее будете нести свой труд и крест руки и слуги Элохим Гибор ², освобождая от страданий земной жизни тех, кого ангелы и воля Элохим Цабаот ³ и Элохим Гибор привели под вашу руку. И в этом будет великая Любовь Отца Небесного и Его милость, воплощённая через вас».

Из наставлений адепталевой Руки

¹ Эйдос – здесь: дух, монада, неделимая бессмертная частица, перемещающаяся из воплощения в воплощение.

² Элохим Гибор – с древнеевр. «Господь Всемогуший».

³ Элохим Цабаот – с древнеевр. «Бог воинств»

Форшпиль

Доброго вам здоровья или нездоровья, поскольку оба варианта есть равные проявления воплощения жизни и плана Абсолюта. И скорее нездоровье и схватка с ним заставят вас расти над собой и эволюционировать, нежели комфортное физическое благосостояние.

Представляюсь: ваш покорный слуга... Тьфу ты, аж сплюнуть захотелось! Попробую иначе: ваш справедливый Вершитель Судеб чёрный маг Андар⁴. Насколько мне доведётся определять именно вашу нить воплощения – будет зависеть от попадания в моё поле влияния. А это в свою очередь будет зависеть от Владык Кармы и исполнителей их решений, от разного рода хранителей, смотрителей на тонких планах.

Не люблю название «чёрный маг», но так меня чаще называют люди, так прижилось. Направлениелевой Руки, исполнение наказания и другой грязной работы во все времена для людей было чёрным, тёмным, нечистым, некой бесовщиной, а потому внушающее любому смертному почти панический страх. Но таков мой путь, такова моя природа: чаще всего я насылаю болезни, неприятности, привороты, порчи, проклятия; калечу и ломаю тела, души, судьбы, прерываю нити воплощений. Нередко это происходит как бы невзначай. Имею в виду не мои целенаправленные ритуалы – человек так просто не покинет физический план – а подведение жертв ко мне Высшими Силами для выполнения задач моего воплощения. Гораздо чаще ко мне обращаются вопрошающие, готовые за немалую плату уничтожить и отправить к праотцам соседа/родственника/любовницу мужа/коллегу по работе. Да, именно так: одна из задач моего пребывания в теле – карать и наказывать, выполняя работу палача и исполнителя обвинительного приговора Высшего Правосудия.

Вот так зловредные люди раньше мне и подворачивались под руку по жизни. Чиновники и бюрократы, которые исключительно из-за своей алчности и природной гадливости ставили мне препоны. Помнится, попадались пара начальников на социальной работе, оборзевших от собственной безнаказанности, пытающихся несправедливо поступить со мной, или банкир, что никак не хотел идти на уступки, но безжалостно накручивал проценты. Сейчас все они сидят в местах не столь отдалённых и, по моим расчетам, сидеть им ещё лет по десять примерно.

Кто-то из моих жертв попал в аварию, кто-то помер, кто-то остался инвалидом, кто-то стал бомжом, побирающимся на свалке, а кто-то по «собственному желанию» влез в петлю. Это не значит, что я такой злой и за мелкую оплошность в мою сторону физически применял силу, ломая бюрократу обе ноги. Внешне это выглядело, словно чиновник просто переходил дорогу к своей припаркованной «бэхе-купе», а его сбивал огромный грузовик на максимальной скорости, внезапно незаметно подкравшийся в центре Москвы с её вечными пробками. В результате: открытый оскольчатый перелом бедренных костей и костей таза, сотрясение мозга, раздробление челюсти, два дня комы, длительный сепсис, так, что «счастливчик» едва оставался жив. Подобный масштаб ответки, если он спланирован именно в таком виде, был бы нарушением Баланса с моей стороны, за что в свою очередь получил бы наказание уже я. Именно поэтому всё происходило в разрешённых пределах отведённых мне полномочий. Я делал ритуал на физический удар, и при малом количестве грехов у «кроля» он отделался бы лёгким сотрясением мозга, возможно, даже без царапин. Но к этому времени у него накопилось столько неотработанных и некомпенсированных нарушений в казуальном теле⁵, что удар тогда прилетел разом и оптом, а мой ритуал лишь ускорил и усилил пинок «судьбы».

⁴ Андар – злой дух, дэв в зороастризме.

⁵ Казуальное тело – в индийских оккультных учениях это кармическое тело, где хранится информация по деяниям всех прожитых духом воплощений.

Конечно, здесь надо упомянуть некоторую тонкость черномагического ремесла: перед атакой на жертву я всегда провожу диагностику, какое именно наказание мне можно использовать с точки зрения Высших Сил Правосудия, Баланса и Равновесия, а дальше работаю исключительно в этих пределах (я же не враг себе идти наперекор Силам). Выбираю цель и метод, наиболее подходящий для конкретного случая, но предвидеть полностью степень и тяжесть конечного результата мне не под силу. Да и, честно, говоря, не особо интересно. Моя программа – минимум. Планирую, чтобы объект сел в тюрьму на два года, а если его сажают на десять – тут уж не моя вина, сам заслужил. Получите и распишитесь.

Хотя...Надо признать, что пару раз по молодости, по неопытности и горячности собственного эго нарушал Баланс. Слишком жёстко наказывал за небольшую провинность. Кара не соответствовала нарушению, поэтому пришлось в срочном порядке жертвовать приличные суммы на монастыри, благотворительные фонды, а несколько человек даже понадобилось исцелить от тяжких хронических недугов, чтобы быстрее восстановить некомпенсированное с моей стороны действие.

В равной степени с разрушением мне подвластно и созидание. Умею ставить людям защиты, делать разные талисманы на красоту и омоложение, на финансовое благополучие и честную прибыль. Исцелять физические и душевные недуги, но не моё это всё, со скрипом выполнял ради восстановления Баланса.

Старые добрые времена... Такое бывало раньше. Сейчас, по мере моего магического роста и восхождения по Пути Строгости если кто-то и подвернётся под мой меч ката, то это будет скорее редким исключением. В основном, всё рабочие заказы от вопрошающих, и они тянутся, в основном, по моей специализации «чёрного мага». Редко кто обратится с нейтральной просьбой о восстановлении здоровья, улучшении материального дохода или увеличении магнетизма. Всё чаще звучат просьбы, что здоровье надо отнять у слишком здорового соседского ребёнка, красоту отжать у коллеги по работе, богатую долю украсть у учредителя фирмы. Особо продвинутые (откуда только узнали? Видимо, интернет иногда всё-таки просвещает) просят принести определённого человека в жертву гневному божеству или демону в обмен на богатство/здоровье/красоту и какие там еще блага нарисует их изошрённое воображение. Впрочем, подобный вариант поворота судеб тоже лежит в поле вероятностей и возможностей, если Владыки Кармы уже определили исход событий для жертвы. Иначе бы не обратились ко мне с такой просьбой, а я бы не осуществил ритуал «подношения», и не пошла бы в пищу гневному лику бога или демоническому существу жизненная сила и сила осознания жертвы.

Люди для меня с их запросами на магические услуги – скорее дань привычке, часть исполнения задачи воплощения на Земле, небольшая часть дохода, которая когда-то была основной. Потому заказчиков немного, но почти все они – сильные мира сего или их многочисленные родственники. Рекламу нигде не даю, сарафанное радио среди представителей нынешней "голубой крови" работает и так неплохо. Платят они, не скупясь и не оглядываясь на ценник, так что за неполный век работы я сумел сколотить приличное состояние, а сбережения выгодно вложить в акции и драгоценные вклады. И теперь доходы от дивидендов и процентов с лихвой перекрывают мои нынешние скромные потребности, а регулярные гонорары от новых работ лишь дополнительно увеличивают общий размер инвестиций.

Мне сто двадцать четыре года. Выгляжу я попеременно и неопределённо на возраст между сорока и шестюдесятью годами, ощущаю я себя примерно так же, лет на пятьдесят. Чёрные, как смоль, длинные волосы, слегка припорошенные сединой на висках, наполовину седая короткая бородка, которую пришлось отпустить, чтобы казаться старше. Моя борода начала седеть уже с тридцати лет, на что я в полушутку заявлял «Мудрость пробивается», вспоминая, как старых мудрецов называют аксакалами. «Ак сакал» – белая борода в переводе с тюркского.

Сохранение энергии, ежедневная проработка тонких тел и магические ритуалы на омоложение дали свой результат: я выгляжу слишком молодо для дремучего старца. При всех достижениях современной медицины, косметологии и косметической хирургии невозможно выглядеть столь «юно» в перемахнувшем вековой рубеж возрасте. Во избежание лишних вопросов у проверяющих документы служб – лет десять назад – я начал было серьезно раздумывать о подделке паспорта, да так и бросил, потому что явно почувствовал, что, несмотря на крепость моего тела, срок его годности неумолимо истекает, а пришедшие на тонком плане знаки лишь подтвердили мое чутьё.

Время пришло. Магические методы больше не помогут удержать мой дух и душу как конгломерат тонких тел и сознаний в этом проводнике на физическом плане. По моим ощущениям, осталось совсем немного, год-полтора и придётся уходить.

Да, можно при желании хоть завтра сгореть огнём изнутри, перейти на энергетическую форму жизни и продолжить карабкаться дальше вверх по лестнице эволюции уже там, среди божественных форм. Но не хочу. Потому что именно карабкаться. Потому что здесь, среди людей, я ощущаю себя царём и богом, где за долгую жизнь я обеспечил себя богатством, здоровьем, властью, магической силой, почетом и практически поклонением. Мне доступны изысканные и очень недешёвые для большинства людей развлечения и наслаждения, но я не готов расстаться с этим. На уровне школьника среди богов я буду снова учиться, постигать, начиная с самых азов, снова бороться за достойный уровень сосуществования среди себе подобных, снова стремиться к успешному развитию и накоплению Сил. Неохота. Хочется ещё немного насладиться заработанным и заслуженным, поэтому у меня созрел план. Пора реализовать его в жизнь. Время поджигает. Необходимо найти преемника.

Пробуждение

У меня тоже когда-то был Учитель.

Я родился и рос в маленькой деревушке у подножия Кавказских гор, ближайшей вершиной к нам возвышалась Шалбуздаг. Ну как ближайшая? Почти шесть вёрст⁶ по сложной пересечённой местности.

С малых лет, как себя осознаю и помню, а это примерно лет с четырёх-пяти, я всегда интересовался чем-то сверхъестественным и волшебным. Запоем слушал разные страшные мистические истории старожил и тёток, которые ими щедро делились, найдя во мне благодарного слушателя. А истории неизбежно случались. Деревня наша небольшая, вокруг леса и горы, столь интимная близость к природным стихийным силам просто обязывала жителей иметь уважение к неведомым могущественным существам, что жили по соседству с нами.

И потому, да и в силу крепости традиций, что зачастую не искоренить запретом, несмотря на основную господствующую веру Мохаммеда, жители деревни исполняли некоторые простые языческие обряды в быту: для защиты, чтоб принести богатую дичь с охоты, прийти с озера с большим уловом, умиловить духов гор, чтобы весной тающие ледники не затопили деревню, умаслить домового и овинника, чтобы те помогали по хозяйству.

Уже с тех лет во мне просыпалась могучая магическая сила, причём явно тёмного направления. Бывало, я гневался почти без причины. Мог в гневе крикнуть какое-то плохое пожелание обидчику. Пожелание непременно сбывалось. Ежели обидчика-человека не было, то от вспышки гнева могло что-нибудь сломаться по хозяйству. Моя бабушка, умевшая лечить руками и знающая некоторые заговоры для исцеления, быстро смекнула про мой дар. И начала учить меня по-своему уму-разуму. Запретила батю лупить меня в наказание жёсткой кожаной португеей, что осталась у него еще со времён его недавней службы в рядах регулярной армии. Потому что родительское наказание меня послушным и покорным не делало, а злость на отца после такой порки уже однажды чуть не обернулась для него бедой: всегда смиренная бурка – одна из наших кормилиц, дающая чудесное молоко, из которого у мамы получался не менее чудесный кумыс, – вдруг лягнула батю копытом по голове. Хорошо, что обошлось лишь ушибом, но после этого происшествия бабушка объяснила отцу подоплёку произошедшего, а меня приблизила к себе и начала потихоньку объяснять и рассказывать о Силе и контроле над ней.

– Сила в тебе пробуждается, сынок. Огромная Сила. И тёмная, как я погляжу.

– Наникэй (так я часто называл бабушку, поскольку по крови она была нерусской), это значит, что я плохой?

– Нет, сынок. Это значит, что ты такой, какой есть. Посмотри на природу: в лесу живут волки, которые едят лосей, газелей, зайцев. В горах живут беркуты, которые едят мышей, змей, сусликов, других птиц, детёнышей косуль. Не брезгают они и падалью. Разве они плохие?

– Плохие! Волки у наших пастухов овец уводят!

– Эх, балам⁷, они не плохие. Это их природа. Они часть общего круга жизни. Представь, что не будет волков и орлов. Зайцев станет слишком много, мыши заполонят все вокруг. Что тогда будет? Они съедят всю траву и кустарники, доберутся до наших посевов и огородов. Во всём мире есть баланс. Все мы ходим под Богом, и все мы – его создания, и хорошие и плохие. И «плохие», как видишь, тоже нужны. Ты тёмный, сынок, это не плохо, просто так есть, таким ты уж создан, так я вижу твою Силу. Тяжело тебе придётся среди людей. Для людей ты будешь плохой. Они будут сторониться тебя, а то и того хуже.

⁶ Верста – старорусская мера длины, равная 1 066,8 метра.

⁷ Балам – с тюрк. «дитя, ребёнок».

– Я не хочу быть плохим, – я был тогда растерян и даже потрясён непривычными словами бабушки.

– И не будешь. Люди многого не понимают и не поймут. Придётся притвориться и быть, как они, чтобы не выделяться, смешиваясь с толпой. Я тебе расскажу, балам.

Любимая бабушка стала для меня первым учителем в магии. Она учила меня контролировать и направлять силу. Мы вместе с ней ходили по лугам и небольшим возвышенностям. Наникэй была хоть и довольно бодрой для своих лет, но преклонный возраст всё-таки давал о себе знать, отнимая силы при продолжительных переходах. Поэтому мне нередко приходилось ждать, пока бабушка переведёт дух, при этом я ёрзал на месте от нетерпения – так хотелось поскорее идти вперёд, энергии было с лихвой. Наникэй показывала мне растения и повторяла названия трав, рассказывала, для чего они и как использовать. Рассказывала про лесных и горных духов, объясняла, как с ними подружиться, попросить помощи, отдать подношения. Давала мне простые техники, как умирять свой гнев, чтобы не наломать дров и не привлечь ненужного негативного внимания окружающих людей. Я жадно впитывал каждое слово и искренне старался учиться. И у меня получалось. Видимо, опыт прошлых инкарнаций уже сказывался и помогал в постижении знаний.

А в четырнадцать лет, в свой второй рубежный возраст⁸ я начал болеть. Приступами. Мне внезапно становилось плохо, накрывала сильная лихорадка и судороги. В таком тяжёлом состоянии в беспамятстве я мог лежать около суток под чутким надзором бабушки и сестры. Через сутки всё проходило, как ни в чём не бывало, будто и не было никакой болезни. А в беспамятстве одно за другим приходили видения.

Будто я жрец тёмного древнего молчаливого бога Р'ял-Йехху, стою в пещере с ручьём, текущим из неё, она служила естественным храмом для страшных ритуалов и смертельных кровавых приношений. Я возношу на каменный алтарь молодую девушку и вскрываю ей грудную клетку большим жертвенным ножом. В видении даже слово пришло «атам» (потом я у бабушки спрашивал, она мне объяснила, что так называется ритуальный кинжал). Жертва была во славу молчаливого тёмного бога за его благосклонность и помощь в борьбе с набирающими силу поклонниками креста. И наш бог нам помог. Почти все члены нашего ордена, участники Линии, идущей от Р'ял-Йехху, пусть их было и немного, уцелели. Пришлось притворяться, мимикрировать, отводить глаза, выполнять маскировку, с человеческих кровных жертв перейти на животных, начать отдавать толику своей крови. Но мы выжили и сохранили передачу Линии дальше.

В периоды лихоманок, бабушка заботливо обтирала мое лицо полотном, смоченным в прохладном отваре, и на миг выдергивала меня из калейдоскопа видений.

С начала сотворения мира существует разделение на Тёмных и Светлых магов. Я был Светлым. Меня атаковали магией. Причём во сне мой уровень магии был такой, что Силы во мне было немало, а вот видеть энергию я не мог, плохо чувствовал атаку. Сделал какое-то маленькое краткое защитное заклинание и поспешино укрылся в ближайшем доме у Тёмных. Там было несколько человек, почему-то настроенных ко мне нейтрально.

Самый молодой из Тёмных говорит, что он чувствует, что на меня продолжается воздействие потока Тёмной Силы и моё краткое заклинание помогло лишь совсем чуть-чуть.

Тогда я совершаю Ритуал Мьёлльнир⁹. Без ошибок, полностью, со всеми чёткими звуковыми произношениями, на четыре стороны света, разметая всё вокруг. Молодой Тёмный:

– Ого! Что это было, такое огненное?

– Это была быстрая чистка. Ну и заодно неплохая защита.

– Она мощная. И ты так много энергии тратишь на исполнение таких ритуалов?!

⁸ Каждые семь лет происходит поворот судьбы, определённый рубеж, конец семилетнего цикла.

⁹ Ритуал Мьёлльнир – очищающий пространство и человека ритуал из магии Северной Традиции.

– Такие вещи не совершаются только на своей энергии. Призывается энергия культов и определённых божеств.

Тут Тёмный постарше сообщил мне, что одна из верховных магинь их клана хотела бы со мной пообщаться лично, как руководительница атаки. Она сообщила мне, что атака – нечто сродни боевому учению, а прямым исполнителем и проводником был маг-вампир (весёлый такой, он много лет сидел на цепи в подземелье, и совсем недавно был освобожден из заточения).

Мои методы защиты и применение заклинаний вызвали у клана Тёмных неподдельный интерес, многому их научили, а теперь они хотели бы продолжить обучение. Магических знаний, теорий и способов призывать дополнительные силы у Тёмных было маловато. Работали они исключительно на своей личной Силе, либо на Силе отнятой у жертв.

Все видения глубоко врезались в охваченное лихорадкой сознание и по выздоровлению еще долго будоражили мой разум, то и дело, внезапно, обрывками всплывали в памяти. Это были яркие моменты. Но однажды я узрел из ряда вон выходящее – мне привиделась смерть. Очень странным образом. Пожалуй, это самый запоминающийся эпизод из всех грёз и снов моего детства. Прошло уже более ста лет, а я помню каждую деталь того сна...

Внезапный раскат гулко колокола вывел меня из оцепенелого ожидания. Переставив котелок с горячей печи на подставку, я подумал, что да, я жду гостью. Жду давно в общем смысле, хотя конкретный ожидаемый приход нельзя предсказать, но сегодня-завтра она должна явиться точно. Только я так подумал, как интуитивно ощутил чьё-то присутствие за входной дверью в сенях. Это ощущение ни с чем нельзя спутать: слишком специфическое. В бульварных романах наверняка бы описали это как дуновение могильного холода. Но нет, на самом деле это не холод. Это скорее ощущение ветерка забвения, ощущение некоего предвкушения, когда долго ждешь — и вот, наконец, это великое для тебя событие уже на подходе. По крайней мере, так я почувствовал приход моей гостьи. Не все рады её приходу. А если выразиться вернее, то на Земле меньшинство радуется встрече с ней.

Я отворил дверь. Да, это была Она, моя долгожданная гостья. Высокая, стройная, со слегка бледной кожей, с чёрными, как смоль, распущенными волосами до плеч и такого же цвета бездонными глазами, в которые слишком долго смотреть просто опасно — можно потеряться или раствориться навсегда. Одета она была в обтягивающие кожаные чёрные штаны и высокие до колен ботфорты на каблуках. Сверху была более свободная чёрная шелковая рубашка с капюшоном, откинутым на плечи. Рукава рубашки заканчивались завязками в области локтей, ниже которых руки скрывались кожаными перчатками – того же любимого Хель цвета вороного крыла. Наряд прекрасной гостьи завершал жёсткий корсет до груди.

– Приветствую, Хельга. Силы и ясности тебе на твоём Пути.

– Хотела бы пожелать тебе здоровья и долгих лет жизни, но сегодня настроение не лежит к сарказму, поэтому скажу проще: Силы и удачи в предстоящей дороге, тебе они пригодятся, возвращение будет не скорым, — с улыбкой ответила Хельга.

Я прошёл на кухню, моя гостья бесплотно и бесшумно следовала за мной.

– Чаю? — предложил я.

– А ты, я смотрю, сегодня склонен к сарказму. Благодарю, но при отсутствии плоти мне как бы чай ни к чему.

– Это не сарказм, всего лишь дань вежливости, — с лёгким поклоном головы ответил я. — Тем более, пища — это не только плотная оболочка, это в том числе и более тонкая энергия. Стихиа¹⁰ с удовольствием поглощают, не трогая физической формы.

– У меня очень специфическая пища. Но вежливость твою оценила.

¹⁰ Стихиаи – магические существа, обитатели стихий.

– Давно не виделась, Хель¹¹, — с лёгким вздохом произнёс я.

– Давно лишь для тебя, для меня это было словно пару часов назад. Ты, правда, выглядел слегка по-другому. Волосы были заколоты на макушке, да и вообще ты имел женское тело. Моя «жизнь» слишком долгая, время для меня течёт иначе. Только в прошлый раз я пришла, чтобы завершить твоё воплощение, таков был отмерен час. Сейчас же ты сам позвал меня.

– Я помню наши встречи. Не все, их было тоже слишком много, в разных местах Вселенной, в разных телах разных уровней, в разное время. Ярче всего помню несколько твоих последних визитов. Я думал о тебе, Хель. Я ждал тебя. В этом теле мне сейчас почти восемьдесят лет, долгих восемьдесят... Наконец-то боги и мой эйдос сжалились, посчитав, что я выполнил свои задачи, и разрешили самому определить время ухода из этого тела. В прошлом всего несколько раз мне было позволено призвать тебя, и я звал!

– Да, — подтвердила Хельга, — на этой Земле такие события очень редки, я их помню.

– Не все встречи с тобой были приятны и безболезненны, — со смехом сказал я. — Некоторые моменты были откровенно мучительны, особенно на костре. Ты не торопишься? — спросил я и сделал большой глоток матэ.

– Дел у меня, конечно, много. Но ты же знаешь, Путник, я вездесуща и справляюсь. Тем более, здесь редко меня призывают как Свидетеля. И в этот раз не я буду завершать жизнь твоего тела, и не я буду провожать тебя в посмертии. Ты и сам прекрасно справишься, я лишь Свидетель.

– Недолго осталось, уже совсем скоро. Я завершил все дела здесь, пора покинуть этот план, эту планету. Осталось только допить пиалу чудесного напитка. Я ждал тебя в течение жизни, иногда мысленно призывал тебя. Были моменты, когда я просто жаждал твоего прихода, так невыносимо становилась атмосфера вокруг, словно аллергия взрывала моё нутро от присутствия людей.

– Я знаю, Путник. Я же всегда рядом. И слышу тебя. И всем людям, что взывают ко мне, вслух или мысленно, внемлю.

– Но иногда, Хель, мне здесь нравилось. Удивительно, но бывали и такие моменты. И я ценил их как элементы мозаики всего Бытия. Эти моменты, может быть, отпечатались не как самые яркие во времени всех воплощений, что сохранились в памяти, но без них не будет цельной картины. Я рад уйти отсюда. Но чувствую, что довольно скоро снова вернусь. Нескоро для Земли, но скоро для течения времени эйдоса. «Вечность имеет свойство пролетать быстро».

Пиала душистого напитка опустела. Вкусный был матэ... Пора. Я сел в ардха-падмасану¹², прислонившись к стене спиной:

– Свидетельствуй, Хель. Наконец-то это закончилось, — и закрыл глаза.

Мои приступы случались с завидной регулярностью дважды в месяц. Я рассказал наникэй о своих видениях. Бабушка крепко призадумалась, поглядела на меня пристально и сказала, что эти сны – отрывки прошлого, это воспоминания из моих прошлых жизней.

– Балам, мы живём не одну жизнь. Их у нас уже были сотни, тысячи. Из жизни в жизнь мы меняем лишь тела и личности. С новым оборотом, с новым рождением мы почти ничего не помним о минувшем. Сейчас ты начал вспоминать. Видимо, придётся тебе двигаться дальше, как бы меня ни огорчало это как любящую бабушку.

– О чём ты сейчас говоришь, Наникэй?! — её слова встревожили меня, хоть я и не понял до конца их смысл.

– Я завтра всё тебе расскажу. И папе с мамой. Только прежде мне надо будет кое-что уточнить.

¹¹ Хель – богиня Смерти в скандинавской мифологии.

¹² Ардха-падмасана – поза полулотоса в йоге.

Ночью я долго ворочался, меня никак не отпускали думы и догадки, что же меня ждёт в ближайшем будущем, что же такого должна уточнить бабушка. Интуитивно я предчувствовал впереди большие перемены. Но всё же есть прелесть в отрочестве и юношестве – обилие сил и беззаботность. Поэтому вскоре молодое тело само решило прекратить умственное словоблудие, и я, наконец, крепко заснул.

Поиск Учителя

Лишь первые лучи солнца тронули небосвод, я проснулся от громких голосов на кухне. Бесшумно я слетел с кровати и босиком на цыпочках подбежал поближе, чутко прислушиваясь к тому, что вызвало шум. Спорили отец и бабушка. Притаившись, я старался не выдать себя и надеялся, что нигде подо мной не скрипнет половица.

– Я не могу его отпустить, – с жаром говорил отец, – мне некому будет помогать по хозяйству. И опять-таки, он растёт мужчиной, мне надо многому его научить.

– Сын! У него другая судьба, ему не бывать здесь! – жёстко отрезала наникэй. И, смягчившись, продолжила. – Сынок, я сама с радостью оставила бы внука здесь, в деревне, чтобы рос и жил обычной человеческой жизнью. Но он другой, у него свой путь. Сам видел, какие у него случаются приступы. Сила распирает его изнутри. Ему нужен Учитель, чтобы обрести эту огромную мощь и натренировать невероятный контроль. Если эта Сила вырвется наружу до того, как он научится ее контролировать, в деревне много кому станет плохо. Да и не только в деревне. Он будет крушить и уничтожать всё и вся без разбора, пока его не остановят. Найдется ли тогда нечто способное к противостоянию этой Силе? Пойми, у нас нет выбора...

Отец тяжело вздохнул. Но более не возражал. Издалека из тени я видел слёзы на глазах матери и старшей сестры, которые молча сидели на лавке и слушали спор, обратив застывшие взгляды в пол. Я тихонько вернулся к комнате и, нарочито громко топая, пошёл на кухню.

– Доброго всем утра! – приветствовал я родню. – А что случилось?

– Балам, ты вырос. И теперь тебе пора уезжать, искать Учителя, – с грустью ответила бабушка.

– Куда уезжать? – искренне удивился я.

– Пришла тебе пора обучаться магии у Учителя. А в нашем поселении нет колдунов и ведьм. В двух деревнях выше в горах я знаю одну ведающую и колдуна. Будешь проситься к ним на обучение. Расскажешь о своих приступах, о своих видениях. Увы, время не терпит, придётся торопиться. Сегодня тебе день на сборы, отправишься завтра утром.

Я так и стоял, опешив и не находя слов. Это было потрясением: всего в четырнадцать лет осознать, что нужно покинуть родной дом, папу, маму, сестру, любимую бабушку, товарищей по играм и броситься в неизвестность. Мне очень не хотелось уходить. Я не понимал, как можно так внезапно взять и бросить привычный уклад жизни.

Весь день прошёл в сборах, в некотором гнетущем молчании и тягостном ожидании. Я чувствовал скрытые слёзы родных. Сам ощущал грусть и тоску от предстоящей разлуки с близкими и от неизбежности поездки. В общем-то, особо собирать мне было нечего. Вся моя одежда на мне. В мешке на плече нехитрая снедь и бурдюк с водой. До первой деревни и до первой из упомянутых бабушкой людей магии – матушки Каракош – было почти тридцать вёрст по непростой дороге. Это полдня пути. Отец вызвался отвезти меня на нашей единственной лошади и обязался по велению наникэй оставить меня у дома колдуны.

– Не беспокойся за него, он выплывет. Его ведут незримые силы к его предназначению, даже если оно окажется непростым, – подбодрила отца бабушка.

Рано-рано утром до рассвета, когда небо только начало сереть, и вместо темноты уже можно было различать силуэты, мы с отцом были готовы к отъезду. Провожать меня вышли мама, сестра и любимая бабушка. От бессонной тревожной ночи у всех были красные и заплаканные глаза, через которые сквозила надрывная грусть расставания. Я с горечью простился с сестрой, с мамой и, наконец, с наникэй.

– Наникэй, я же ещё вернусь? – при этом вопросе мой голос предательски дрогнул.

– Не буду тебя обманывать: я не знаю, балам. Не вижу, куда выведет тебя твоя судьба. Поэтому прощай. И пусть с тобой пребудет моё благословение.

Я изо всех сил старался держаться, но слёзы вдруг сами потекли из глаз. Я крепко, буквально на один миг обнял бабушку, после чего запрыгнул верхом на коня позади отца, который уже ожидал в седле. Набирая скорость, мы помчались вдаль к моему неизвестному будущему.

Всю дорогу отец держал лошадь на средней рыси, чтобы не загнать её, но чтобы при этом не тратить слишком много времени. Ведь ему ещё предстояло возвращаться назад. Пару раз мы делали короткие привалы, чтобы перекусить, накормить и напоить лошадь, дать ей передышку. И снова продолжали путь. На протяжении всего пути отец был молчалив и лицом темнее тучи. Было заметно, как тяжело далось ему решение отпустить меня, в нём боролись два противоборствующих желания.

Уже после обеда мы прибыли в деревню Каладжух, где, по словам бабушки, жила ведающая матушка Каракош. Спросили у местных, как до неё добраться. Те охотно показали. На самом отшибе деревни стояла добротная большая изба с крепким забором и незапертой калиткой – дом знаткой мастерицы.

Мы спешили.

– Александр (вот и пришло время узнать моё мирское имя), – начал отец, – мало шансов, что мы ещё увидимся. Потому живи достойно, сын. Ты научился в семье не столь многому, но помни мой наказ.

Затем отец достал из-за пазухи царский золотой.

– Держи. Мы с матерью хранили его на чёрный день. Вот он и настал. Отдашь за обучение, или ещё как он поможет тебе в трудное время.

В моем горле застыл ком, мешавший говорить. Я просто молчал и слушал.

– Папа... – с дрожью в голосе прошептал я.

– Прощай, сынок, – отец крепко обнял меня, буквально до боли стиснув мои плечи, развернулся, вскочил на коня и, более не оборачиваясь, стремглав умчался вдаль, а я так и остался одиноко стоять у ворот, растерянный, разбитый и опустошённый.

Еще никогда прежде на душе не было настолько тоскливо и муторно, слишком рано и слишком внезапно мне пришлось покинуть отчий дом, словно часть моего сердца оторвали от меня вместе с мясом, ничего не дав взамен. Я не знал, увижу ли вновь родных, как не знал, что ждёт меня завтра, но я верил своей бабушке и точно знал: наникэй не могла ошибаться, а значит нужно искать свой путь.

Когда горечь от разлуки с родными чуть ослабила свою хватку и моё дыхание восстановилось настолько, чтобы дышать ровно и без всхлипываний, я, наконец, сделал шаг вперёд и зашёл в открытую калитку, направляясь напрямик к дому матушки Каракош. Постучал в дверь, успевая отметить для себя и удивиться, что нигде не видно собачьей конуры и не слышно лая, хотя раньше я даже представить себе не мог двор без собак.

– Иду-иду! – услышал я мягкий и бодрый женский голос.

Дверь мне открыла пышная женщина с добрым лицом и пронзительным взглядом.

– Здравствуйте, матушка Каракош! Я к вам приехал учиться магии.

Ведающая матушка вдруг переменилась в лице, будто чего-то испугалась:

– Сгинь, нечистая сила! Вот же ж боги послали мне на голову наказание!

Я стоял и не понимал, что происходит. Поэтому постарался как можно быстрее, скороговоркой и сумбурно рассказать причину моего появления на этом пороге.

– Матушка Каракош, у меня приступы бывают с видениями, где я вижу прошлые жизни, так бабушка сказала, учиться к вам приехал, иначе плохо будет всем, пришлось срочно уехать, меня одного тут оставили, я с соседней деревни, Александр, сын Николая, я даже могу заплатить...

Знахарка прервала мой словесный поток жестом. Но лицо её уже снова приобрело мягкое и доброе выражение.

– Неоперившийся ещё дьяволенок, значит. Хоть и человек с виду, ребёнок ещё. Заходи, раз пришёл.

Мы прошли в дом на кухню. Первое, что мне бросилось в глаза в приспешне¹³ – огромный-преогромный рыжий кот, размером с небольшую рысь. Он чинно возлежал на печи в позе сфинкса с выражением морды «валяжный взгляд в вечность». Но увидев меня, он несколько переменял свою мордастую мину, теперь смотрел на меня сверху вниз удивлённо-надменно. Мол, что это за чудо-юдо сюда пожаловало.

– Ух ты, какой котище! – не смог сдержать я своего восторженного возгласа. – Какой огромный!

– Да, это наш Басилевс, помощничек мой. Ленился иногда, скотина, но всё равно его люблю. Да, Бася? – ласково сказала ведунья.

Кот что-то промурлыкал в ответ на внимание к столь важной персоне.

Матушка Каракош налила нам чаю, всё пристально изучая меня задумчивым взглядом. Я сложил руки вместе и молча ожидал, надеясь на чудо. Меня терзала и страшила участь быть выгнанным к ночи на улицу, потому я не выдержал и спросил:

– Матушка Каракош, вы будете меня учить?

Ведунья прищурила глаза и приблизилась ко мне, внимательно разглядывая. Интересно, что она там пыталась высмотреть?

– Ишь ты, выдумал тоже! Ты себя-то видел, бесовское отродье? Не в отражении, а насквозь, нутро своё видел? Ты ж аки демон во плоти, Тёмный. Чему я тебя учить буду?

Глаза у ведающей уже улыбались одними уголками. Не могла она долго злобу и хмурость держать по-настоящему.

Котище Басилевс, словно человек, менял выражение морды, не спуская с меня глаз. Теперь он глядел на меня, явно подтверждая, что я и есть бесовское отродье.

– Я людей лечу, исцеляю, добро им делаю, с хворой скотиной помогаю, урожай богаче стараюсь сделать, дождь вызвать там или затяжные ливни прогнать, охотникам в ловле добычи сподобить, ребёнка выносить и роды облегчить, разумение детишкам усилить, – продолжила знахарка. – Всё к добру, всё на пользу. Светлая я. А ты Тёмный. У тебя прямо на лбу написано это для видящих. Твой дух пришёл на Землю карать и наказывать, калечить и убивать, разрушать и уничтожать. Тебе моё ремесло ни к чему. Не твоё оно. Не впрок. Не по природе твоей. Потому мне нечему тебя учить.

– Как же мне быть, Матушка?.. – я был ошарашен и сильно расстроен её словами. Мало того, что пришлось покинуть отчий дом, так и здесь не приняли.

– Искать себе другого наставника. Через вёрст двадцать на север есть село Гарах. Там знаткий мастер Сербаз живёт. Он двурушник, со всеми силами вровень знается, многим не гнушается, знает поболее моего. К нему тебе надо. Он, конечно, непростой и жёсткий. Но кто знает, может и примет тебя.

Я прихлебывал чай со сдобной плюшкой, что дала матушка. Молодое тело хотело есть, несмотря на расстроенные чувства.

– Добираться будешь сам. Пешком, думаю, дойдёшь за день-полтора. Сегодня, так и быть, переночуешь у меня в доме. Спозаранку выдвинешься.

После чая матушка Каракош проводила меня в дальнюю комнату с одним небольшим окном, где стояла деревянная кровать с настеленным на неё толстым слоем овечьих шкур.

– Спать будешь здесь. Это твой постой на ночь. А я пойду, делами займусь, некогда мне боле с тобой болтать, ещё сегодня люди придут по ведовскому ремеслу.

– Спасибо большое, Матушка Каракош.

¹³ Приспешня – устар. кухня

Я долго сидел, погружённый в свои невесёлые думы о перипетиях судьбы. Потом услышал, как кто-то пришёл к знаткой. Обрывки голосов долетали до моей дальней комнаты. Как я понял, это приехали к матушке за магической помощью. Может быть, даже издалека. Потом, ближе к ночи, пришёл мужчина. А это был муж матушки, подумал я. Вскоре после его прихода, прежде чем закрыть глаза и, наконец, уснуть, я решил напиться воды, но тут вспомнил, что бурдюк пуст, а значит, придется встать и наполнить его, благо колодец недалеко от дома. Осторожно приоткрыв ставни и стараясь не издавать лишнего шума, я прошмыгнул во двор через окно: я чувствовал себя неловко в чужом доме и не хотел лишний раз беспокоить хозяев, привлекая к себе внимание.

Укравкой пробираясь по тропинке к колодцу, я увидел сидящего возле сарая Басилевса. Во дворе уже сгустились вечерние сумерки, но ночь ещё полностью не вступила в свои права, и можно было рассмотреть, чем он там так самозабвенно занимается. А котище не просто сидел и бездельничал: он, как мне казалось, увлечённо дирижировал правой лапой, подёргивая в такт кончиком пушистого хвоста. А перед ним синхронно маршировали три маленькие мышки. Два шага назад, разворот, теперь два шага вперёд, разворот, шаг в сторону, мышки присели, дружно выпрыгнули вверх. Это было невообразимо! Моя челюсть от удивления буквально отвисла и не хотела подниматься обратно. Всё это было похоже на сон! Басилевс выглядел, как истинный дирижёр или как кукловод, который за ниточки дёргает мышек, а те, словно игрушечные марионетки, его исправно слушаются и продолжают своё представление на радость Басилевсу. Вдруг кот заметил меня, обратив в мою сторону морду с ярко-зелёными глазами. По его недоумённо-растерянному взгляду я понял, что застал кота врасплох явно за какой-то шалостью. Три мышки вслед за своим командиром синхронно повернули мордочки и одновременно посмотрели на меня, заморгав бусинками-глазами.

– Мр-р-кыш! – сказал Басилевс и махнул лапкой мышам. Мыши бросились врассыпную и моментально скрылись из виду.

Котище уже успел оправиться от внезапного вторжения, как ни в чем не бывало широко зевнул, сводя длиннющие усы в кучку, поправил языком на груди шёрстку и направился ко мне вальяжной хозяйской походкой. Я осторожно (мало ли, вдруг я ему не нравлюсь) протянул руку к голове Басилевса и, видя, что тот не против, погладил его. Кот довольно замурчал.

– Что, рыжий, всё играешься? – спросил я со смехом.

– Мр-р-мда, – ответил мне волшебный зверь и пошёл дальше по своим кошачьим архиважным делам, которые надо непременно успеть переделать, иногда даже бегом.

Позже, в кровати, эта невероятная сцена никак не выходила у меня из головы, вызывая смех и восторг. Басилевс – действительно необычный волшебный кот. Я только лишь слегка прикоснулся к этой бесконечности из мира волшебства, а что же будет дальше? Красочные фантазии о неизведанных и бескрайних возможностях Магии незаметно и плавно увлекли меня в страну снов. Лишь раз я просыпался ночью, одолеваемый жаждой, которую утолил тут же из своего наполненного колодезной водой бурдюка.

Вторая попытка

Когда я открыл глаза, было ещё темно. Стараясь не разбудить хозяев, я собрал котомку и бесшумно двинулся по коридору к выходу. Матушка Каракош, услышав или учуяв моё передвижение, вышла из своей комнаты.

– Пройдём на кухню, Александр, сын Николая.

На кухне я увидел два сияющих жёлто-зеленых огонька на печи. Выглядело это жутковато, хотя и понятно, что так светились глаза кота. У Басилевса печь была явно излюбленным местом. Мои глаза тоже были зелёными. Только так сверкать в темноте я не умел.

Матушка Каракош зажгла свечу, и кухня озарилась смутными бликами с тенями.

– Держи в дорогу, – ведунья протянула мне свежий каравай хлеба. – Путь неблизкий, пригодится.

– Спасибо вам большое, Матушка Каракош.

– Пойдём во двор, провожу.

Мы вышли во двор. Возле колодца стояло полное ведро ключевой воды, откуда я вновь наполнил свой походный бурдюк. Где-то в соседних дворах загавкали псы.

– Пойдёшь ровно на север, тут не должен заплутать. Там поначалу земляная накатанная дорога идёт, где телеги ездят, потом чуть вправо широкая тропа. По ней и двигай. Пару подлесков, потом один небольшой лесок, после которого горная возвышенность, обогнёшь по подножию, там и упрёшься в село Гарах, – объяснила мне дорогу ведающая мать. – Небо уже начинает сереть, через час будет восход. Коли поторопишься, то успеешь до села сразу после заката.

– Моя вам огромная благодарность, Матушка. Спасибо за всё.

Я было развернулся и собрался уходить, но всё же рискнул задать вопрос, который засел внутри занозой и зудел, потому что другого случая спросить могло и не представиться.

– Матушка Каракош, скажите, пожалуйста, а почему у вас в своём доме и собаки нет? Вдруг, воришки какие? А то и просто детвора-хулиганье за яблоками залезет? Собака как-никак отпугнет.

Матушка улыбнулась:

– Да кто ж к ведьме сунется? Меня в деревне все знают. Это первая защита. А вторая защита – оvinник и домовый, что двор и дом стерегут от гостей непрошенных, как во плоти, так и без. Меня предупреждают при надобности. Третья защита – мой помощничек Басилевс. Этот кот непростой, он много чего умеет и может. А четвертая защита – словеса обережные, что надёжным тыном ограждают поместье. К чему ещё собака?

– Ого... – только и смог я прошептать.

– Собака – страж порога, – поясняла знахарка. – Она своим присутствием магии мешает да тонким энергиям затрудняет проход на физический план. Колдовству своим лаем гадит невпопад. Котейка – другое дело. Кошка – проводник между мирами. Посему человеку знания собака ни к чему. Вот тебе одна из тонкостей нашего ремесла. Многoму ещё предстоит научиться. А теперь ступай. Удачи и света тебе на пути!

Я поклонился Матушке и вышел за околицу.

Шёл я напрямик на север по широкой двухколейной земляной дороге посреди полей, которые чередовались участками с дикорастущей травой и с ячменем и пшеницей. Как и сказала ведунья, через несколько часов ходу накатанная для телеги широкая дорога уходила чуть влево, а правее продолжалась довольно свободная для пешего хода тропа. И натоптана она была плотно. Видимо, её довольно часто использовали жители соседних деревень.

Ещё немного пройдя по тропинке, я решил перевести дух и сделать маленький привал. Сел прямо в густую траву и осмотрел своё богатство. Так, полбуханки хлеба, что пекла мама, осталось ещё из дома. Его надо съесть в первую очередь. Каравай от матушки Каракош, совсем свежий и невероятно душистый. Бурдюк с запасом воды чуть больше половины и маленький перочинный ножичек, моё детское сокровище, которым я настрогал немало веток для самодельных удочек. Ножик я захватил – и на всякий случай, и просто было жаль расставаться с прикипевшим сердцу инструментом. Царский золотой от отца я предусмотрительно и бережно носил во внутреннем миниатюрном кармане полукафтана, откуда его можно было достать с немалым усилием.

Вот и сейчас я оглянулся вокруг, убедился в отсутствии какой-либо живой души и, сопя и высунув язык, с трудом выковырял золотой из своего тайника. Золотые пять рублей Николая Второго. Полюбовался на игру света на драгоценном металле, на двуглавого орла, на профиль государя, который ныне здравствовал и правил. Монета, подаренная отцом, вновь всколыхнула тоску по родному дому. Я чуть не заплакал, но быстро взял себя в руки, поскорее спрятал монету, вскочил и помчался прочь от грустных мыслей и воспоминаний, словно одному лишь встречному ветру было под силу развеять тоску, внезапно охватившую мою душу.

Колесо года плавно завершало лето, но днём всё ещё было жарковато в полукафтани, особенно если мчишься во весь опор. Всю дорогу, конечно, бежать я не собирался. Потеть не хотелось, да и силы экономнее расходуются в пешем ходе, поэтому довольно скоро я перешел с бега на шаг. Идти я старался всё равно быстро, не желая встретить и провести ночь в поле или в лесу.

Прошёл один подлесок, другой. Постепенно дошёл до леса, края которого по обе стороны терялись далеко в горизонте. Ели и сосны темнели, маня прохладой и в то же время слегка настораживая. Лес был чужой и незнакомый.

– Тропа прямая, выведет к подножию горы, а там и до села совсем недалеко, – успокоил я сам себя, выдохнул и шагнул в лес.

Время стояло уже послеобеденное, солнце ускоряло свой бег к закату. Я торопился и бодро шагал по проложенной тропинке. В лесу и вправду было прохладнее, лучи солнца еле-еле пробивались своими бликами сквозь густую хвойную крону. И вот тут я наткнулся на развилку. Растерянно остановился. Ведунья ничего о ней не говорила, вперёд должна была идти только одна дорога. А сейчас я явственно наблюдал перед собой распутье: влево уходила маленькая узенькая тропинка, а чуть правее под острым углом к первой шла прежняя хорошо утрамбованная широкая тропа. «Потому знахарка и не упоминала про распутье, потому что широкая тропа идёт одна», – логично предположил я и смело зашагал по правому пути.

Не знаю, сколько времени я брёл, но солнце опустилось ещё ниже, и в лесу сгустились сумерки. Тропа, к моему ужасу, начала сперва сужаться, а потом и вовсе исчезла, а под ногами смачно зачавкала почва, тревожно намекая на возможную топь впереди. Что делать? Куда идти? Возвращаться назад по тропе до развилки? Тогда мне точно придётся ночевать в лесу, а такая перспектива лишь усиливала мою и без того нарастающую панику, потому что как-то нужно будет спать, а в незнакомом диком лесу всегда есть шанс нарваться на волка, медведя или того же секача. Или попробовать обойти предполагаемое болото по кромке?

Я задумался, включил логику: узкая тропинка шла влево вперёд под острым углом к моей широкой тропе, если я пойду ровно влево по прямой, то есть шанс, что вектор моего направления пересечется с маленькой тропинкой. Так я и сделал.

Идти становилось все сложнее. Между хвойными исполинами каким-то чудом умудрились плотно и густо расти мелкие кустарники и мелкие лиственные деревца. Их ветки больно хлестали, мешая передвижению, паутина с ветвей то и дело цеплялась мне на лицо, лезла в глаза и рот. А между тем, сумерки сгущались все сильнее и сильнее. Я уже с трудом различал силуэт своих ладоней. Казалось, что лес в одночасье стал зловещим: отовсюду доносился

скрип, шорох, из стороны в стороны раскачивались великаны, где-то хлопала крыльями и ухала сова, начали раздаваться голоса обитателей леса, которых я вообще никогда не слышал.

Отчаянье медленно, но верно разрасталось в моей душе. Настал момент, когда я осознал, что окончательно сбился с пути и заблудился и что мне придётся здесь ночевать. А рядом лишь голоствольные сосны и ели, чьи нижние ветви давно осыпались из-за вечной нехватки света в теневом ярусе леса. То есть подходящих больших раскидистых ветвей, где можно более-менее безопасно провести ночь и даже подремать, однозначно не предвиделось.

Я упорно не хотел сдаваться. Интуиция подсказывала мне, что дело здесь нечистое. Не могла тропа так заплутать. И если даже произошло раздвоение тропы, то я уже должен был, по моим расчётам, выйти вновь на прежнее направление, на маленькую узкую тропу.

Осталось вспомнить уроки моей любимой наникэй. Я опустил на колени возле дерева, успокоился. Достал каравай ведуньи. Пусть будет весь каравай, пусть будет большая для меня жертва. Положил каравай под дерево. Закрыв глаза и начал взывать:

– Дедушка лесовик, сёстры берегини¹⁴, взываю к вам! Леший, хозяин леса набольший, вот тебе каравай, вот тебе мой поклон! Выведи меня из леса, не губи, отпусти!

Я совершил глубокий поклон, коснувшись лбом ковра из опавших листьев и хвои. Встал, не открывая глаз, максимально расслабился и отключил логику. Мне послышался вдох и выдох леса. Открыл глаза и пошёл, куда они глядят. Хотя это было сказано с натяжкой, потому что к этому времени густые сумерки, окунающиеся в темень ночи, уже не позволяли что-либо с точностью рассмотреть. Шёл я, откинув разумное мышление, с пустой головой, шёл туда, куда меня вели. А повело меня сначала левее, а потом правее и ещё резко правее. И вскоре я вышел из леса прямо к тропинке, ведущей дальше по полю. Чуть поодаль впереди в свете звёзд виднелась невысокая гора. Я вышел, куда надо. Обернулся, низко поклонился, поблагодарил ещё раз дедушку лесовика.

Тут, на опушке леса, росла большая раскидистая сосна. Сорodичи не мешали ей расти вверх и вширь, потому она свободно развесила свою густую и мощную крону во все стороны. Толстые ветви наверху могли подойти для обустройства ночлега. После всех блужданий я уже достаточно устал и решил переночевать здесь. С этими мыслями я полез вверх по дереву. Благо, низко растущие ветви этому способствовали. Поднявшись ближе к верхушке, я обнаружил прочную развилку из трёх ветвей, где вполне удобно устроился. Удобно, насколько это было возможно: одна нога у меня свободно свисала, а сам я застыл в полулежачем-полусидячем положении. Но и этому я был рад. Мысленно поблагодарив богов за благополучный исход, я наскоро доел остатки хлеба и провалился в сон.

Разбудила меня жгучая боль на щеке, по которой я инстинктивно спросонья и шлёпнул, добавив себе очередную порцию боли. Слепень, паразит! Успел улететь. Но продолжал жужжать неподалеку, не теряя надежду полакомиться свежатиной.

Солнце уже встало и медленно поднималось всё выше над горизонтом. С трудом направляя затёкшие чресла, что окаменели за ночь сна в неудобном положении, я спустился по веткам вниз. Помахал руками и ногами, принудительно разгоняя кровь по жилам. Через пару минут появилась бодрость, и я был готов к продолжению своего путешествия.

Вон чуть впереди гора, обойду её по низу слева, а там должно быть и поселение Гарах, если матушка Каракош всё верно описала. Нужно было поторопиться. Уже хотелось есть, а ничего из провизии не осталось. Несколько глотков воды из бурдюка наполнили желудок, но сытости не прибавили. Скорым ходом я направился к цели своего поиска – к обретению Учителя.

¹⁴ Берегини – в славянской мифологии женские духи, чаще выступали с защитной функцией, но не всегда. Обитали на природе.

Путь от опушки леса до деревни, где должен обитать мастер Сербаз, даже быстрым шагом занял почти четыре часа. Когда я поравнялся с первым домом, в животе моём довольно звонко урчало от голода. Да и бурдюк с водой пора было наполнять.

Чуть впереди три пацана лет восьми гоняли палками старое колесо от телеги. Увидев меня, они на миг приостановились в заинтересованности – увидели новое лицо – а потом продолжили свою забаву.

– Ребята, – обратился я к детворе, – не подскажите, где живёт мастер Сербаз?

Мальчишки остановились

– Это колдун который? – спросил из один них, видимо, самый бойкий.

– Да, который колдун, – подтвердил я.

– Во-он там, чуть правее, в самом чёрном доме, – сказал один из детей, протягивая руку в сторону дальних домов.

– Как и его душа, – рычащим загробным шёпотом сказал другой. И вот они все трое уже стоят и смеются над остроумной на их взгляд шуткой. Ну что взять с детей?

– Спасибо большое, – махнул я рукой и пошагал в указанном направлении.

Хоть в этот раз не пришлось идти до противоположного конца деревни. Дом Сербаза был в черте поселения, но как-то немного в стороне. Издали он выделялся на фоне обычно светлых или пёстрых зданий своим чёрным окрасом: и забор, и дом были выкрашены в тёмно-серо-чёрный цвет.

Я очень надеялся обрести в этом доме долговременное пристанище и найти Учителя в лице мастера Сербаза. «А может быть, меня там ещё и покормят», – внутренним голосом отозвался желудок. Хоть я и не позволял себе унывать, но глубоко в душе мысли о моём статусе сироты терзали меня. Назад мне дороги не было, только вперёд. Я верил словам бабушки, и должен был найти ведущего меня по пути магии.

Подойдя к ограде дома, я постучал в калитку. Не услышав привычного при появлении чужака у ворот собачьего лая, я внутренне самодовольно усмехнулся, чувствуя себя причастным к великой магии: теперь-то я знаю, почему у колдунов нет собак во дворе.

Через пару минут дверь отворил молодой парень. Судя по виду, на пару лет старше меня. В отличие от моего девственно чистого лица, у него над верхней губой уже виднелись редкие черные усики.

– Тебе чего? – нахмурился парень.

– Я к мастеру Сербазу.

– Зачем он тебе? Какой у тебя вопрос?

– У меня важный разговор к нему, подробностей тебе говорить не буду! – насупился я.

– Кто там, Ильхам? – донесся голос из открытой в дом двери.

– Какой-то парень. Говорит, что важный разговор к вам.

– Пусть проходит!

Ильхам недовольно посторонился. «Даа, – подумал я, – с таким помощником и собака не нужна. Этот будет лаять по ночам и забор охранять получше любого пса».

У входа я снял свои полусапожки и прошёл в дом. В большой и светлой благодаря большим окнам комнате за столом сидел и пил чай из блюдца лысый старичок с хитрыми чёрными глазами и небольшой седой бородкой. В целом, глядя на его лицо, нельзя было сказать, что он прямо старик – вполне себе бодрый, мужик в силе, но вот борода была полностью белоснежной. На голове же – ни волосинки. Само собой против моей воли представилась мне картинка, как ярко блестит его лысина на солнце.

– Мастер Сербаз?

– Да, собственной персоной. А ты кто и откуда?

– Александр, сын Николая из ***. Ищу Учителя в магическом искусстве. Был у матушки Каракош, она меня к вам послала.

– Учиться, значит, хочешь? Тайную науку постигать? А потянешь, хватит сил-то и способностей?

– Хватит! – с горячностью ответил я. И тут же добавил, понуриив голову. – Должно хватить. Мне обратно ходу нет. Наникэй наказала найти Учителя, иначе Сила вырвется, и многим станет плохо вокруг.

– Смотри-ка, страсти какие! – улыбнулся Сербаз.

После чего он на несколько секунд закрыл глаза и, открыв их, посмотрел на меня иначе. Мастер пронзил меня своим взглядом. Чёрные глаза превратились в два копия, что приткнули меня на месте, лишив сил и возможности двигаться. Два смоляных ворона влетели в меня через очи и проникли в самые глубокие и скрытые уголки души, куда я и сам покуда не заглядывал за отсутствием такого умения. Когда вороны вернулись назад, и взгляд Сербазы стал прежним, я чувствовал себя прочитанной книгой.

Мастер прищурился.

– А на кой ляд ты мне нужен как ученик? У меня уже есть ученик, Ильхам, он тебя встретил на входе. Он же мой помощник во всём.

– Мастер Сербаз! Пожалуйста, не гоните меня, мне некуда идти. Возьмите меня, прошу!

Маг ненадолго впал в раздумье, отвернув взор в сторону и поглаживая свою белоснежную бородку, и промолвил:

– Я не твой Учитель. Даже если мне есть, чему научить, а у тебя есть способности это понять и принять. Так что придётся тебе возвращаться домой или идти дальше пытаться счастья.

У меня оставался последний имеющийся аргумент. Хотя я и прикипел к своему золотому (и драгоценность, и память о доме), но решился им пожертвовать. Поклонился колдуну-двурушнику и повторил:

– Мастер, я могу заплатить.

– Чем же ты заплатишь, юнец? – изогнул бровь Сербаз.

– 3-3-золотым, – с пыхтением достал я монету и положил на стол.

Сербаз взял монету, рассмотрел поближе.

– Разве ты не знаешь, что за сокровенные знания и возможность стать магом платят не золотом, а своим сердцем и душой? Это нельзя оценить и купить за деньги.

Я удивился и не нашёлся, что ответить. Потому просто помотал отрицательно головой и молча стоял, ожидая продолжения диалога.

– За эту небольшую плату я окажу тебе небольшую услугу, – будто бы смягчившись, сказал мастер. – Есть один сильный маг, живёт отшельником, вдали от людей. Я тебя провожу, сам дорогу не найдёшь. Туда почти день пути. Выдвинемся через два дня. Пока поживёшь здесь, Ильхаму поможешь по хозяйству.

– Ученик! – крикнул он Ильхаму. – Покажи Александру место ночлега. Ну и расскажи про свои основные обязанности – ему полезно будет.

Ильхам стоял в сенях перед комнатой и сразу откликнулся. В этот момент мой живот предательски заурчал.

– И покорми парня, – добавил колдун.

– Хорошо, Мастер! – ответил Ильхам. И уже обращаясь ко мне, сказал:

– Пойдём, я тебе всё покажу.

Ильхам слышал разговор и, поняв, что в ученики меня брать не собираются, смягчил свой гнев на милость. И слегка свысока (он ведь действительно ученик мага) и снисходительно показал мне место ночлега – огромный сноп сена в хлеву. Это же сено использовалось для прокорма пятнистой коровки.

Вкратце Ильхам ввёл меня в курс дела моих ближайших обязанностей на эти пару дней: помогать ему по хозяйству, убирать за курами, кормить их, загонять на ночь в курятник, кормить и доить корову, выводить её на выпас и привязывать, стирать, убирать, готовить. В общем,

всё хозяйство полностью лежало на плечах ученика, а для меня это всё было не впервой. Чай, не в городе вырос.

Потом мы прошли на кухню, где Ильхам налил мне бобовую похлёбку с курицей. Дал большой кусок хлеба. Я с жадностью накинулся на еду. Ощущение было, что не ел сто лет.

– Ешь-ешь, проголодался, небось, – улыбался Ильхам. – Мы с Учителем недавно завтракали.

В голове у меня роился ворох вопросов, которые не терпелось задать ученику мага. Но еда слишком меня захватила, чтобы прерываться.

Наконец, с трапезой было покончено. После долгого вынужденного голодания я, конечно, не чувствовал себя сытым. Но это пройдёт. Я постеснялся спрашивать добавки, и так чувствуя благодарность за обед.

– Спасибо за обед, Ильхам! Очень вкусно.

– Во благо! Я сам готовил, – похвастался Ильхам.

После обеда мы пошли в поле накосить сена для Зорьки, потом я подметал двор и таскал воду из колодца в баню, носил и насыпал зерно курицам, колот дрова взамен использованных для растопки бани. Оказывается, Мастер сжалился и дал указание ученику нагреть сегодня баню, чтобы я смог нормально отмыться после долгого перехода. И уже после бани был ужин. К этому времени, дополнительно разомлевший после жара и сытной еды, я еле передвигал ноги от усталости. Кажется, я заснул ещё до того, как моя голова коснулась подушки сена.

И весь следующий день тоже прошёл в трудах и заботах. Я помогал Ильхаму во всём, а где и полностью самостоятельно занимался наведением и поддержанием порядка. Особенно, когда к Мастеру пришли люди за помощью, и ученик убежал постигать тонкости и законы целительства под руководством учителя на наглядном материале, так сказать.

Ближе к вечеру Мастер Сербаз сидел в доме, отдыхал за чашкой чая. Ильхам взял вёдра и пошёл за водой к колодцу, что находился недалеко, на улице за углом. Я пропалывал грядку с луком и собирался догнать Ильхама и помочь ему принести воду, как только закончу эту грядку. Оставалось мне совсем немного. Неожиданно незапертая калитка открылась, и двое мужчин втащили третьего. Тащили они его на простыне вместо носилок. Парень на простыне был без сознания. Выглядел он, мягко говоря, ужасно: ввалившиеся щёки, тёмные круги под глазами, при этом сам он весь был пунцового цвета.

Один из мужчин – тот, что постарше – закричал:

– Мастер Сербаз! Мастер Сербаз, вы дома?!

Сербаз собственноручно вышел на крыльцо.

– Доброго вам здравия, Мастер Сербаз! Помогите, прошу! Младший сын Микдад третьего дня вернулся с пастбища в горах. Уже тогда был сам не свой, плохо ему стало. С тех пор без памяти. Иногда приходит в себя, бредит и поминает какого-то одноглазого! Что ни пробовали, ничего не помогает, ему только хуже.

Опытный маг без лишних вопросов только и произнёс:

– Кафтар¹⁵ вселился, захватил жизненную силу твоего сына. Надо выгонять. Заноси!

Мужчины занесли больного в дом, но вскоре вышли и, тихо переговариваясь, исчезли за калиткой. А мне стало прямо невмоготу, как интересно, и я подбежал к окошку, чтобы краем глаза подглядеть, что же будет делать Мастер Сербаз, как он будет творить своё колдовство. Пытался я затаить дыхание, но толком не получалось: слишком волновался и переживал, что колдун заметит меня и накажет. Но продолжал подглядывать, интерес пересиливал страх.

В комнате больной лежал на спине. Было заметно, что он весь покрыт испариной и дрожит. Видимо, лихорадка его усилилась. Мастер Сербаз достал огромную плетёную рукоятку, которой была сделана из ноги какого-то животного, с копытом на конце. Было похоже, что это

¹⁵ Кафтар – злой одноглазый горный дух.

нога косули. Мастер Сербаз крепко взялся правой рукой за хват плети, а затем, чеканя каждую букву, громко и жёстко произнёс низким голосом:

– Кафра, муу сунс! Хэвэки хучээр, та хунийг орхиж болно!

После чего резко хлестнул больного по телу. Потом вновь проговорил своё заклинание и крепко приложился плетью по больному. Я заворуженно смотрел на ритуал в смешанных чувствах дичайшего интереса, азарта и ужаса. Всё громче пропевал колдун заклинание, всё сильнее летела плеть.

– Кафра, муу сунс! Хэвэки хучээр, та хунийг орхиж болно!

Поначалу больной, весь пунцовый и мокрый от лихорадочного пота, никак не реагировал на манипуляции Мастера. Лежал, как труп. Но вскоре он стал стонать, заметно подрагивать. И цвет лица его на глазах менялся. Из пунцового он стал красным, потом розовым, затем побледнел. Стало заметно, что теперь у него почти здоровый цвет, лишь слегка немного бледный. После очередного удара хвостом плети парень очнулся и открыл глаза. Подсмотрев достаточно, я поскорее побежал к Ильхаму на подмогу.

Уже спустя энное количество лет я, вспоминая тот эпизод, понял, что поступил всё-таки не очень хорошо. И дело не в этическом аспекте, что я без разрешения подглядел на ритуал изгнания болезни/злого духа из человека. Просто магический ритуал – это таинство, не предназначенное для множества глаз и ушей. Наблюдатели могут испортить течение энергий и намерение мага своим намерением и ожиданием. Также существа иных планов и миров, помогающие магу осуществить обряд, могут запросто не захотеть отзываться из-за лишних глаз. С другой стороны, кто знает: возможно, так всё произошло именно по причине, что мне, как будущему магу, нужно было самому узреть этот ритуал, погрузиться чуть глубже в таинство ведовской работы?..

За эти два дня моего пребывания в доме Мастера Сербазы я не отставал и с вопросами от Ильхама. Мне было очень интересно, каково это – быть учеником мага. Ильхам вполне охотно и где-то даже по секрету рассказывал о своём обучении, о жизни под боком учителя. Рассказал о своей трагической судьбе, которая вывела его на Путь Магии. Почти шесть лет назад случился пожар, в котором сгорели его родители. Ночью вспыхнул дом, пламя молниеносно, как дикий быстрый и голодный зверь, охватило их избу и двор полностью, не давая возможности и просвета перескочить мимо огня. Отец вынес Ильхама на руках, обжигаясь и получая жуткие раны от пожара. Потом отец побежал в горящий дом за матерью, в этот момент кровля рухнула и погребла под собой обоих родителей Ильхама. Так он остался сиротой. В память о тех событиях ему остался шрам от ожога на левой стороне груди (Ильхам даже показал) и вечная незатухающая боль в душе.

Несколько дней убитый горем сирота жил у старосты села. Как вдруг объявился Мастер Сербаз и выразил готовность приютить у себя мальчика. Выбор, как понимаете, у Ильхама был небольшой. Уже потом, спустя некоторое время Учитель раскрыл парню тайну о своём видении-знаке, что будет ему ученик, он сирота и помечен огнём пожара. С тех пор Ильхам стал учеником мага. Вот уже почти шесть лет он живёт и обучается у колдуна.

Ещё по большому секрету ученик мага поведал, что он не просто ученик, а «посох мага» – то есть тот, кому учитель передаёт все свои знания и силу, кому учитель отдаёт максимум своей Силы перед смертью. И уровень своего обучения Ильхам тоже назвал – черичан¹⁶. Я, правда, особо не понимал в этой иерархии магического роста. Но был в радостном восторге от возможности прикоснуться к чему-то необычайному, тайному и сокровенному.

На тот момент, в четырнадцать лет я не задумывался о столь странной, как кажется сейчас, откровенности ученика. Спустя годы я вижу основу этой откровенности: Ильхам почти шесть лет не общался со сверстниками, отдавая всё своё время заботам по хозяйству и маги-

¹⁶ Черичан – четвёртый уровень обучения в славянской ведовской системе, подмастерье.

ческому обучению. Колдун Сербаз не только показывал на людях ритуальные методики и рассказывал о тонкостях применения тех или иных магических подходов, но и задавал ученику много учить наизусть из своих книг, заставлял переписывать, создавая свою собственную Книгу Теней¹⁷. А ещё Учитель строго спрашивал, так что расслабляться не приходилось.

Подобное общение почти со сверстником (между нами разница действительно оказалась в два года) для Ильхама было, как редкая жемчужина. Плюс он искренне чувствовал и верил, что я обрету своего учителя, что мой дальнейший жизненный путь тоже лежит исключительно в русле магии. То есть, он видел во мне брата по духу. И неоднократно во время своего рассказа об обучении подчёркивал, что вот такие приёмы, методы и испытания ждут и меня. А я жадно впитывал и запоминал.

¹⁷ Книга Теней – книга, куда колдуны заносят теоретические и практические сведения по магической науке.

Попытка третья

Наступил день дальнего похода к магу-отшельнику. Рано утром до наступления рассвета мастер Сербаз зашёл в хлев и крикнул меня. Спал я в ту ночь чутко, так что сразу же подскочил. Наскоро умылся. И был готов. Сербаз дал мне небольшой мешок, как я понял, с провизией:

– Держи, Александр! Перекусим в пути, дорога неблизкая.

Ильхам тоже был уже на ногах. Я пожал ему на прощание руку. Кто знает, может быть, жизнь ещё пересечет наши дорожки.

Мастер Сербаз шёл молча и быстро. Приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы не отстать. Складывалось впечатление, будто я почтенный старец, едва поспевающий за юнцом, а не наоборот.

Примерно в полдень мы перекусили прямо на ходу. Еда без изысков, но она дала сытость и силы продолжать путь: вяленое мясо, похоже на гуся, ржаные сухари, вода.

Только после обеда, как солнце ускорило свой бег к заходу, Мастер Сербаз разрешил привал. Короткий, минут на тридцать. Мы наскоро перекусили, после чего колдун лёг и мгновенно провалился в дрему. Я просто отдыхал. Некоторая усталость чувствовалась, но сонливости не было – всё перебивало волнение и предвкушение встречи с отшельником.

Незадолго до заката мы с Мастером оказались у подножия горы. Вверх вела узенькая и крутая тропинка, петляющая между кустарников и деревьев.

– Всё, Александр, я свою помощь оказал. Дальше ты сам. Эта тропинка ведёт к вершине. На самой вершине будет хижина Мастера Азриэля¹⁸ – так зовут этого мага-одиночку.

– Вы не проводите меня дальше? – удивился я. – А вдруг этот отшельник не примет меня? Вдруг я заблужусь в темноте? Солнце уже почти село...

– Я и так оказал тебе неоценимую услугу. Привыкай к препятствиям и трудностям, парень. Их будет ещё очень и очень много на твоём пути, – с этими словами колдун Сербаз повернулся и прежним быстрым шагом растворился в наступающих сумерках.

Я вздохнул и побрёл по тропинке вверх, выбор у меня был небольшой – только вперёд.

Местами более-менее пологая тропинка сменялась почти вертикальным подъёмом, и тогда приходилось всем телом прижиматься к земле и цепляться руками за выступы, чтобы не слететь вниз. Стемнело очень быстро. Если бы не Луна, сиявшая в своей растущей к полнолунию налитости, была бы крошечная тьма, где пробираешься лишь наощупь. Но Луна тоже не слишком помогала. Тропинку я видел смутно. Хотя какую, к чёрту, тропинку – похоже, тут давно никто не ходил, кроме диких зверей. Если при свете солнца ещё можно было заметить тонкий след утоптанной земли, то в темноте это всё терялось в бликах и неверных тенях от кустов и деревьев, которые чудом росли вертикально вверх на почти отвесной поверхности.

И на меня напал страх, который придавал силы и ускорения. Я один, в горах, ночью, в полной темноте. Вокруг слышались какие-то звуки, скрипы, раздавались крики неизвестных животных и птиц. Я очень торопился подняться на вершину. Сердце билось в груди затравленным зайцем. И от нелёгкого подъёма, и от страха, наполнявшего меня. Во рту пересохло от жажды и волнения. Волей-неволей закрадывались мысли, а не обманул ли меня колдун. Забрал золотой и бросил меня погибать? Может, я и пропаду здесь, на этой горе. Стараясь не думать о плохом, я полз, шёл, бежал, карабкался, местами где-то поскользнулся, успев ухватиться за тянущиеся ко мне ветви и удержаться от падения, и снова стремился вперёд.

Часа через два или три я, пыхтя и кряхтя, вскарабкался, наконец, на верх этой горы. Обессиленный, я свалился на спину и просто лежал, глядя на звёзды и луну, жадно заглатывая воздух кусками. Отдышался. Уж не чудо ли: в крошечной темноте взобраться на гору, избежать

¹⁸ Азриэль – в каббале одно из имён ангела смерти.

нападения зверей и не сорваться вниз. Уже не всё так плохо. Переключив внимание на будущее, я встал, отряхнулся и посмотрел вперёд, что меня ожидало. Всего в метрах пятидесяти от себя увидел неясные очертания хижины с трубой на крыше. Без какого-либо забора или частокола вокруг. Рядом с избой была постройка чуть меньшего размера. Тоже с трубой, торчащей из крыши. Видимо, баня или сарай.

Подойдя ближе, я заметил в свете луны окна в хижине. Но никакого огонька свечи или керосинки не было видно. «Время позднее. Скорее всего, Мастер Азриэль спит», – подумал я. И всё равно направился к двери со своей подростковой наивностью и упрямством. Потому что ночевать на улице мне совсем не хотелось. А лезть без спросу в сарай тоже казалось неприличным. Направился к двери с твёрдым намерением постучать, разбудить Мастера и попроситься хотя бы на ночлег. Я устал и уже не слишком верил в везение, что меня возьмут в ученики. Уже дважды меня перенаправляли от одного знатного к другому. Почему бы истории не повториться вновь?

Только я подошёл к хижине, как меня сбил с ног мощный удар. Я грохнулся наземь и тут же почувствовал на груди прижатое древко шеста, которое не давало сдвинуться с места и затрудняло дыхание. Надо мною возвышался чей-то смутный силуэт.

– Кто таков? Гостей ночью не жду, – услышал я глухой, слегка с хрипотцой голос.

– Меня зовут Александр. Я ищу учителя. В магии. Бабушка меня направила из-за моих видений к матушке Каракосх на обучение, а та отправила меня к Мастеру Сербазу. А Мастер Сербаз привёл к вам. Оставил меня внизу у горы, я сюда один поднялся. Вы Мастер Азриэль?

– Ааа, Сербаз... Старый шутник, – послышалась в голосе говорившего усмешка, – тут большая дорога есть, даже телега спокойно проедет. Крюк совсем небольшой, а добираться в итоге быстрее. Кто же по горе ползёт, когда дорога есть? Только если ты.

Незнакомец убрал шест и позволил мне встать.

– Вы Мастер Азриэль?

– Кто же ещё? Тут другие не живут. Поблизости вообще никто из людей не живёт.

Мысленно я помянул добрым словом колдуна Сербазы, всё-таки не обманул, хоть и пошутил на прощание.

– Мастер Азриэль, – я опустился на одно колено, – возьмите меня в ученики, прошу вас! Мне нельзя без обучения. И наникэй так сказала. Сила меня разорвёт. Я отплачу, как могу, отработаю, буду помогать по хозяйству.

Мастер помолчал. Потом промолвил:

– Мне не нужны ученики. Я никого не беру. Ты зря потратил время, приятель.

Мне хотелось плакать. Я потратил столько времени и сил, подвергался смертельным опасностям, отдал последний хлеб и золотой отца, чуть не заблудился в лесу, мало ел – и всё напрасно... Комок подкатил к горлу и мешал что-либо сказать. Кое-как я собрался, проглотил предательскую дрожь в горле и прошептал:

– Позвольте хотя бы переночевать у вас, Мастер Азриэль.

– Чай не звери. А люди. Которые чаще хуже зверей. Позволяю, – ответил отшельник. – Обожди.

Маг зашёл в хижину и вышел с горящей свечой. При слабом свете свечи я сразу же обратил внимание на смуглость его кожи и на ярко-синие глаза. Даже в этой полутьме они словно светились.

Мастер Азриэль проводил меня до соседней постройки. Открыл дверь – в нос ударил запах курятника. Свеча слегка раскрыла тьму внутри.

– Вот здесь, справа, – показал жестом мастер, – есть куча сена. Можешь на ней переночевать.

С этими словами отшельник прикрыл дверь и ушёл. А я лёг на сено и стал предаваться унылым мыслям, как всё у меня плохо и что же делать дальше. Даже всплакнул немного от

жалости к себе. А почему бы и нет? Сирота, покинувший отчий дом по необходимости, тут меня не приняли, там не пришёлся ко двору, и последняя надежда – Мастер Азриэль – тоже объявил, что не берёт учеников. Был повод поплакать четырнадцатилетнему мальчугану. Горевал я недолго, поскольку пришёл Морфей и забрал меня к себе в своё царство.

В ту ночь мне приснился очень яркий сон. Знаете, бывают такие очень яркие сны, которые мы помним потом всю жизнь. У кого-то их может быть всего парочку за жизнь, у кого-то больше. Если такой сон приснится в глубоком детстве, то мы помним его во всех мелочах и подробностях даже на смертном одре, словно увидели этот сон вчера.

Стоял я на краю пропасти, на самом краю высокой скалы. И кто-то звал меня на помощь, из последних сил цепляясь за край обрыва. Я подбежал к краю — там висел какой-то парень, почему-то он смотрел вниз, я не видел его лица. Я схватил его двумя руками за кисть и тянул вверх. Кричал ему, чтобы он схватился за меня второй рукой. Не хватало сил, парень оказался очень тяжёлым. Я его немного вытащил вверх, и тут он приподнял голову и взглянул на меня. И ужас пронзил меня всего — это был я! На меня смотрел я собственной персоной. Только лицо у него было более злое и какое-то взрослое что ли... И глаза — это были глаза старца, глаза дремучего старика, прожившего сотни лет. От нахлынувшего страха меня покинули силы. Парень приподнялся, крепко обнял меня и негромко сказал: «Идём со мной». И, не разжимая объятий, утянул меня в пропасть.

Я кричал от ужаса свободного полёта. И удивлялся где-то там задней мыслью, почему я никак не могу проснуться, ведь обычно от страшного сна я всегда просыпался, иногда даже с криком. Каким-то образом я чётко знал, что это сон. А здесь мы летели. Я кричал. И я с парнем начали сливаться воедино, он стал мной, я стал им, и оземь ударился уже единый я с этим парнем. И от удара я умер, переломав себе все кости, разбив всё тело. Умерев, я лежал с открытыми глазами и смотрел на окружающие скалы. Тут кто-то подошёл ко мне и начал меня собирать. Я не видел, кто это. Мог только чувствовать, как мои кости и внутренние органы встают на место. Более того, было странное ощущение, что эти органы новые, лучшие прежних. Тут, наконец, сборка была закончена. Некто наклонился надо мной, я увидел, что это Мастер Азриэль. «Вставай, Андар!» — сказал Мастер.

– Вставай, парень! Вставай. Солнце уже появилось над горизонтом, – разбудил меня отшельник.

Я открыл глаза. Мастер склонился надо мной. Синевя его глаз просто завораживала. Чёрные длинные волосы в хвост. Подёрнутые сединой виски и короткая борода. Одет он был в чёрный балахон с капюшоном. Как у монахов. Только было видно, что ткань здесь плотная, способная выдержать долгие издевательства на охоте и испытания временем.

– Мастер Азриэль, мне снился чудный и одновременно страшный сон. И вы там были.

– Да ну? Сны снятся – это хорошо, – буднично ответил отшельник своим глухим с хрипотцой голосом, а глаза его в этот момент сверкнули лукавым огнём.

Я вспомнил о своём положении и снова поник. Мне некуда было идти. Назад дороги нет. Домой мне не вернуться. Матушка Каракош и Мастер Сербаз меня не взяли на обучение. И здесь мне тоже дали от ворот поворот. В принципе, терять мне было нечего. Поэтому я собрался с духом и решился:

– Мастер Азриэль, прошу вас, умоляю, возьмите меня в ученики! Мне больше некуда идти. И возвращаться мне тоже нельзя.

– Я. Не беру. Учеников, – чеканя каждое слово, произнёс отшельник. – Но: ты можешь остаться у меня в качестве слуги. Будешь мне помогать по хозяйству и на охоте.

Я до земли поклонился Мастеру, чувствуя искреннюю благодарность.

– Спасибо вам огромное, Мастер Азриэль! Я буду вам верным и исправным слугой.

Маг слегка поморщился.

– Отвыкай ты от этого христианского рабского слова «спасибо». Тем самым желаешь человеку «Спаси тебя бог Яхве». А человек может быть вообще далёк от этого бога. А то и вовсе на другом полюсе, или сам всё делает, с опорой на свой дух, становясь ровней и в независимость от богов. «Благодарю» и иные формы тебе в помощь.

– Благодарю вас, Мастер!

С этого самого момента жизнь моя кардинально перевернулась. То был судьбоносный момент. И сон оказался вещим: я действительно словно заново родился после смерти. А ещё теперь я спал на деревянной кровати в самом доме.

Слуга

Став слугой мага-отшельника, я обрёл новую жизнь, новый ритм, кров над головой, пищу и новые обязанности. Всё хозяйство и поддержание его в порядке полностью легло на мои плечи. Мне приходилось убирать, мыть посуду и полы, стирать одежду, ухаживать за птицами, благо хоть, кроме кур у Мастера Азриэля не было другой живности; от меня требовалось ежедневно чистить курятник, поить и кормить кур, собирать яйца и менять в хлеве подстил из сена. А также следить за сохранностью мешков с зерном, коих в количестве нескольких штук хранились в сарае под замком, дабы не отсырели и не испортились.

Мне приходилось таскать воду для хозяйственных нужд, и я ходил за ней к ближайшему ручью с деревянными вёдрами. Близкий ручей казался совсем рядом, пока идёшь туда налегке, но обратно, с двумя полными вёдрами, дорога к дому превращалась в вечность. Первое время я натирал кровавые мозоли от деревянных ручек. Воды нужно было много, и поход за ней обращался для меня одним из основных испытаний, с которым я был вынужден смириться, но потом, внезапно, кожа рук огрубела настолько, что эта работа стала для меня вполне привычной и менее болезненной.

Мастер Азриэль поначалу готовил еду сам, постепенно открывая мне рецепты и все тонкости кулинарного нехитрого искусства. Я помогал магу, выполняя черновую работу, внимательно следил за всеми его действиями, а затем повторял в точности так, как показывал Мастер, и таким образом учился. Когда, наконец, моя стряпня, достигла удовлетворительного уровня, обязанности ежедневной готовки перешли на меня целиком. Только ржаной хлеб Мастер так и не доверил печь мне, этот процесс ему нравился самому, и он готовил его сразу на несколько дней. Хлеб получался действительно волшебный и невероятно вкусный, с хрустящей корочкой и пористым мякишем. Мастер заботливо «растил» собственную закваску в течение нескольких дней, начиная колдовать над ней еще задолго до начала выпечки. Затем бережно замешивал в коробе тесто, выстаивал его всю ночь, а рано утром формировал хлеба, после чего еще несколько часов растаивал караваи, прежде чем отправить их в печь. Когда по всему дому начинал разноситься ржаной аппетитный аромат, Мастер доставал хлеба из печи, укладывал на застланный чистыми льняными полотнами стол и прикрывал их такими же полотнами сверху, до полного остывания и созревания выпечки. Мама тоже пекла вкусный хлеб, но такого, как пек Мастер, я не пробовал больше никогда.

Мы часто питались яйцами, что ежедневно щедро сыпали несущки или солёным мясом из дичи, что добывал отшельник на охоте. В мою задачу входило помочь хозяину выдубить шкуру и засолить мясо в бочке, которое потом так же и хранилось в деревянной емкости, переложенное слоями с солью.

Когда Мастер Азриэль желал, я готовил свежее мясо кур. Для этого мне пришлось научиться забивать птицу, потрошить её и ощипывать перья. Первое время было непросто отрубить у живых кур головы, но я быстро освоился, ведь так требовал Мастер, и я не мог его ослушаться.

Сам маг занимался своими делами, во многом привлекая меня как помощника, окромя его магических ритуалов. Он что-то начитывал на незнакомом языке, еле слышно для меня, медитировал, делал какие-то чудные упражнения – всё это для меня было странной, но чудесной и непонятной китайской грамотой.

Отшельник жил вдали от людей. Ближайший маленький посёлок располагался примерно в двадцати верстах к юго-востоку. А на северо-западе, вёрст через сорок, лежало большое село Касумкент, размером почти с город. Это не близко, но и не слишком далеко. Поэтому около раза в месяц к Азриэлю наведывались гости. Как я понял – за помощью. Что именно требовалось гостям, исцелиться, приворожить, чего-то ещё наколдовать – мне было неизвестно. Приез-

жали люди разного уровня, кто-то на телеге с простой лошадкой, а кто-то и в дорогушей резной карете с четвёркой в упряжи. После таких посещений у нас всегда появлялись дополнительные запасы зерна и муки, а также деньги, я полагаю, тоже нередко служили средством оплаты за помощь Мастера.

Было одно незыблемое правило: Азриэль не брал плату мясом. Его он предпочитал добывать сам на охоте. Причём ставил исключительно силки, куда попадались куропатки, зайцы, иногда мелкие лани или дикие козы. Ну а я, как верный слуга, тащил всё это домой. В отказе Мастера брать мясо как оплату лежала не просто личная прихоть мага: после многих методов и ритуалов клиенту именно после подобного жертвования за магическую помощь запрещалось есть какое-либо мясо в течение сорока дней. И уже бывали случаи, что люди нарушали запрет, сводя на нет всю чародейскую работу.

Редко, примерно раз в пару месяцев, не чаще, хозяин уходил на несколько дней в ближайшее село. За покупками, как он сам говорил. Возвращался действительно с солидным мешком. Обычно он покупал спички, соль, чернила, перья, что-нибудь из инструментов.

В мои обязанности входила заготовка дров, которые мы использовали для приготовления пищи и растапливания бани, находящейся в одном строении с сараем. Я таскал спилы, а потом колот и складывал дрова в поленницу. Поначалу я сильно уставал от обилия тяжёлой работы, а потом привык и довольно быстро и ловко справлялся с функциями слуги, ставшими для меня привычными.

Но не только груз домашней работы лёг на мои плечи, Мастер Азриэль ежедневно давал мне дополнительные задания. Смысл которых я достаточно долго просто не понимал. Он заставлял меня стоять в стойке всадника, широко расставив ноги и присев до параллели с полом, находясь при этом с ровной спиной, по полчаса. Полчаса – легко сказать. Целых полчаса каждый день. Первый раз я и пяти минут не простоял, упав с дрожью в ногах. За что и получил палкой Мастера очередной болезной удар по хребту.

– За что, Мастер Азриэль?! – вскричал я, потирая ушибленное место.

– Самые болезненные уроки – самые запоминающиеся, – с ухмылкой ответил отшельник. Другого ответа я не дождался.

Только через два месяца я сумел довести свою способность стоять в неумолимой стойке всадника все полчаса. Мастер точно отмерял ход времени своим хронографом на цепочке. Это были медного цвета часы с отстёгивающейся крышкой, которые очень непривычно было видеть в руках горного отшельника. Хронометр выглядел пришельцем из больших городов. Я и не видел таких раньше.

Сам же Мастер мне и подсказал, как суметь простоять так долго. После двух недель неудач, когда моё время стояния никак хотело передвигаться дальше пятиминутного рубежа, после кучи ударов шестом, отшельник подсказал:

– Твоё тело может простоять и больше тридцати минут. А ты устаёшь. Выйди из тела. Поставь тело в позу и выйди вниманием из тела, смотри сначала со стороны на себя, а потом и вовсе можешь никуда не смотреть.

И я опробовал рекомендацию Мастера. Я закрывал глаза и улетал далеко в свои мечты или воспоминания. Я вспоминал родной дом, мечтал о своём неизвестном будущем, потом просто забывался, пока предательская дрожь в ногах не возвращала мои мысли к реальности. Но время нахождения в позе всадника медленно, но начало увеличиваться! Я был рад таким трансформациям и удивлён, что мысли могут творить чудеса, а я могу забывать о теле.

Ещё одно странное ежедневное задание, которое давал мне Мастер, – он заставлял меня сидеть и смотреть в одну точку на стене. По времени я так должен был просидеть час. Ежедневно. Смотреть в точку и сквозь неё, не моргая. И вновь меня хватало лишь на короткое время, потом внимание начинало смазываться, я проваливался в сон. Словно из-под земли тут же появлялся Мастер (чуял он, что ли?) и бил меня шестом. Так я мог получить до шести туман-

ков за час сидения. Постепенно прогресс пошёл, тумачов стало перепадать меньше. А потом они и вовсе прекратились. Потому что я мог спокойно просидеть час, глядя далеко сквозь точку на стене, просматривая звёзды во Вселенной, рассматривая какие-то необычайно яркие картины, что всплывали перед взором, а то и вовсе вокруг наступала пустота без мыслей.

Память подкидывает мне выборочно и другие яркие моменты той поры, когда я был слугой у Мастера-отшельника. Воспоминания вообще странным образом устроены так, что мы помним что-то выдающееся, необычное, вызвавшее новые ощущения и эмоции. Эмоции – это энергия. Энергетически окрашенное воспоминание лежит на полках архивного хранилища духа, где хранятся все эпизоды прошлого в виде сухого остатка опыта, и выглядит оно заметнее, поэтому нашему внутреннему поисковику при обращении к памяти проще найти и поднять более колоритные обёртки таких воспоминаний.

В один из дней на мага нашла причуда – строиться. Он дал мне ремень из сыромятной кожи, показал необходимый охват камней, которые мне следует найти – диаметром примерно в пядь¹⁹ – и наказал натаскать таких к дому, а затем сложить горкой чуть поодаль нашего жилища. По подсчётам Мастера, нам понадобятся не менее ста булыжников.

Вроде как горы вокруг, камней должно быть много, но даже в этих условиях было непросто находить скальные обломки нужного размера. Они, как назло, попадались то слишком малы, то невероятно велики, и единственным верным решением было добывать нужный для строительства материал прямо из гор. Благо, что у колдуна хранились инструменты, среди которых завалялась кирка, что значительно облегчало мне задачу. Я с трудом откалывал от скал куски породы тех габаритов, которые потребовал найти Мастер и стаскивал их к дому. С собой у меня был мешок, но за раз я всё равно не мог утащить несколько камней, так как много сил отнимала работа киркой, зато благодаря мешку мне удавалось позволить рукам хоть немного отдохнуть, загрузив тяжесть на спину. В день я добывал и относил по четыре-пять булыжников, что уже неплохо с учётом моего и без того максимально загруженного обязанностями времени.

Так я колол и таскал тяжелый материал, пока, наконец, не набралось нужное количество камней. Получилась достаточно внушительная горка. И только я облегчённо было вздохнул и утёр со лба пот, что закончилась эта страда, мой хозяин передумал и приказал переместить булыжники впритык к избе. Будем там делать пристройку. Что остается бедному слуге? Ещё неделю, не разгибая спины, кусок за куском, я перетаскивал каменную горку на место, указанное магом.

А потом пришло время строить. Поначалу я не совсем понимал, к чему такая конструкция, да ещё непонятного размера. Квадратная постройка высотой и длиной в два аршина²⁰. Задней стенкой этого строения выступала стена дома. Я даже было спросил у колдуна:

– Мастер Азриэль, для чего нам эта постройка? Такая странная и непонятная.

– Подрастёшь – узнаешь, – отрезал маг.

Мастер не любил пустопорожние разговоры и вообще не очень охотно отвечал на вопросы, поэтому такую реплику я слышал в ту пору часто.

Работы мне всегда хватало с лихвой, особенно, пока шла стройка. Нужны были не только булыжники, и мне пришлось натаскать ещё с разреза горы известь, глину и песок.

Вперемешку с водой такой состав давал клейкую и вязущую смесь для укрепления и сцепки камней между собой. Не было тогда цемента в современном понимании этого слова, да и слова такого еще не придумали. Смешивал с водой нехитрые ингредиенты и под чутким руководством Мастера строил. На это тоже ушло несколько дней.

¹⁹ Пядь – старорусская мера длины, равная 0,1778 метра.

²⁰ Аршин – старорусская мера длины, равная 0,7112 метра.

Я полагал, что останется какое-то отверстие для двери, или даже пусть без неё, но через которое можно будет легко убирать что-то на хранение от дождя или ветра, но я ошибся. По велению колдуна я оставил лишь узкую щель размером в две пяди шириной и в аршин высотой. В качестве крыши мне было велено класть связанные между собой тонкие стволы деревьев, после чего обильно смазывать их все той же строительной смесью, а сверху ровным слоем укладывать камни с дополнительной клейкой прослойкой.

Когда работа над строением была полностью завершена, я остался доволен собой. Для новичка-строителя получилось вполне прилично.

Но тогда я так и не узнал, для чего всё это затевалось и сооружалось. Пристройка осталась стоять пустая. Мастер ни для чего её не использовал и, казалось, полностью потерял к ней всякий интерес.

Я уже упоминал, что в близкой доступности людей не было. Поэтому в целом места в округе были нетронутые, дичь и рыба непуганая, а популяция не была истощена неумными человеческими запросами. Такое изобилие помогало в охоте и рыбалке.

За рыбой мы ходили к горной речушке, прихватив с собой бредни. Находили место помельче и натягивали сеть, держа против течения. Рыба крупная и мелкая набивалась достаточно быстро. Даже часа не требовалось для поимки богатого улова.

Но бредни мы доставали только к концу рыбалки. В первую очередь Мастер обращался к реке с какими-то заклинаниями, делал подношение, что было мне уже знакомо. Люди, живущие близко к природе, по большей части привыкают бережно и с уважением относиться к незримым силам. Потом наступало время фантазий Азриэля. Из подручных средств он соорудил мне инструмент наподобие пики, привязав острие от старого ножа или заточив ножом конец палки. Моя задача состояла в том, чтобы залезть по колено в реку, выждать, пока приблизится рыба, и пронзить этой пикой добычу.

Знали бы вы, как это оказалось непросто! Рыбы в реке было много. Но когда я там стоял неподвижно, пока не начинало от холода сводить ноги, рыбы будто чувствовали меня и не приближались. Даже какие-то случайные рыбки, которые умудрялись подплыть ближе, успевали проскочить у ног и увильнуть от моего разящего удара. Раз за разом я промахивался, едва не ранив самого себя. Мастер стоял на берегу, держался за живот и громко хохотал.

– Мастер Азриэль, хорошо вам там смеяться! А у меня ноги мёрзнут.

– Что, не поймал ещё? Ха-ха, какой же из тебя рыболов-добытчик?! Скажу какой – никакой! – продолжал насмехаться Мастер.

Ни в первый, ни во второй поход на рыбалку я так и не смог никого поймать с помощью пики, за что оставался без рыбы. Точнее, рыбу, пойманную с помощью бредней, я тащил, потрошил, готовил, но есть её мне колдун не разрешал. Поясняя, что я не заслужил.

В третью нашу рыбалку удача мне снова не благоволила. В безуспешном рвении поймать рыбку я умудрился упасть и полностью намокнуть. Наконец, от холода, усталости и тщетности моих усилий я в сердцах швырнул пикку на берег.

– К чёрту её! Мастер Азриэль, мне никогда не поймать эту дурацкую рыбу, да еще этой чертовой палкой! Вам там легко сидеть и гоготать! Тоже мне, нашли себе развлечение дурачить мальчишку! Вот сами бы попробовали так ловить – узнали бы, почем фунт лиха и как это непросто!

Мастер Азриэль вдруг изменился в лице, помрачнел. В его бездонных синих глазах заискрились молнии.

– Не дорос покамест указывать мне, – сурово сказал он, – гляди, стервец!

С этими словами он скинул на траву сапоги, закатал до колена портки и зашёл в воду. Я испугался резкой перемены настроения мага, понял, что слишком погорячился и почувствовал себя виноватым.

Мастер встал, закрыл глаза, словно настраиваясь на что-то. Я внимательно наблюдал за магом и вскоре не поверил своим глазам. Если меня рыбы опасливо и старательно оплывали стороной, то колдуна они словно перестали замечать, проплывали совсем вблизи с ним и даже касались его ног.

Секунда, миг, вспышка! Мастер вонзил руки в воду и вытащил большую рыбину, жёстко зажав её пальцами. Он победоносно взглянул на меня и выбросил рыбу на берег.

– Мастер Азриэль, так нечестно: вы колдовали. Вы стояли, закрыв глаза, и колдовали. Конечно, так проще ловить рыбу.

– Э-эх, молодо-зелено! Эта магия доступна всем, в том числе и тебе. Учись! Ты стоишь и думаешь, что ты человек, который ловит рыбу. И рыба чувствует человека, который охотится на них. А ты должен закрыть глаза, настроиться и стать деревом. Видеть себя деревом, чувствовать себя деревом, ощущать свои листочки, ощущать единый ствол, который растёт из дна реки. Пробуй!

Меня поразило это простое объяснение. И я попробовал. Закрыл глаза, изо всех сил представляя себя деревом, сухим деревом, простирающим свои ветви над гладью воды. Аж начал потеть от натуги. В этом же состоянии через несколько минут открыл глаза. О чудо! Рыбы плыли возле моих ног, уже не остерегаясь меня. Пика была наготове и, наконец, вонзилась своим острием в добычу. Так я первый раз поймал рыбу.

По дороге к дому я попросил прощения у хозяина за необдуманные слова. Но всё равно за мою горячность Мастер меня наказал: я должен был сидеть без еды и воды в сделанной мною каменной постройке и медитировать над содеянным. (Вот она, оказывается, для чего была нужна! Я сам себе строил каземат.) Более того, по приказу мага на глаза я натянул чёрную повязку, которую нельзя было снимать. Ещё я должен был молчать. Так я и просидел все эти три дня – молча и в полной темноте. Лежать в этом квадратном строении не получалось, а выходить можно было лишь по нужде, не снимая повязки, наощупь.

Ощущения были необычные. Мне было горько за собственную горячность и обидно, что маг наказал настолько сурово. Но вся эта рябь на поверхности эго и картинки на внутреннем чёрном экране слились воедино. Сон и явь перестали существовать как отдельные явления. Я не понимал, в каком состоянии нахожусь в тот или иной момент времени. Всплывало много событий и воспоминаний прошлого: отчий дом, годы, что я прожил там, яркие эпизоды из той жизни. Поиск и путь к обретению Учителя, которого я так и не обрёл, зато обрёл хозяина и стал слугой. Вспышками появлялись какие-то образы, что я относил к фантазии, к порождению моего разума: я видел себя могущественным чёрным колдуном, я видел какие-то футуристические технологические приспособления, полёты к звёздам, видел войны, страшное оружие. Иногда я не просто видел себя со стороны, а полностью погружался в сюжет видения, становясь полноценным участником, влияющим на события своей волей. Я забывал, что я слуга Александр, сидящий в каменном коробе. Я становился тем, кем был в видении. настолько глубоким и осязаемым получалось погружение, что зримое невозможно было отличить от привычной реальности.

Ночь. Мы слуги Первой Тьмы, отроки богов, что зовутся Древними. Я и мой товарищ – адепты Ордена Lex Talionis. Находимся по заданию старших в далёкой стране. У меня почти красные волосы и ярко-зелёные глаза со змеиными зрачками. Мой боевой коллега удивительно на меня похож, словно мы братья.

Была запущена целая цепочка негативных событий, сделанных умышленно и специально «работниками» Третьей Тьмы. Проще говоря, это вечно голодные твари, противящиеся Творению как таковому, умудрились найти где-то лазейку и возможность повлиять на проявленный мир. И напакостили. Как снежный ком ускорилась цепная реакция, Архонты закрыли проход, уничтожив не-созданий Третьей Тьмы. Ведь никто их специально не создавал, они лишь побочный мусор от Творения мира. Даже уничтожить-то их полностью нельзя, можно

только выкинуть обратно в их отстойник. Но нужно было теперь остановить этот ком, прервать цепь между причиной и следствиями.

Нас закинули в недавнее прошлое во времени и пространстве – на несколько дней. Потрачена была уйма ресурсов. И нам, как служителям Ордена, тоже это перемещение дастся непросто – минус несколько лет жизни. Мотаться по времени истощает тело максимально быстро. Пришлось дополнительно использовать пространственные порталы, поскольку события всей цепочки были совершены в разных местах.

Пьяный сел за руль автомобиля – поэтому сбил человека – из-за этого шпион сумел повернуть свою операцию – по этой причине у профессионального вора получилось украсть великий Алмаз Чавичи – что привело к гибели отдельной страны. Нам нужно было в первую и главную очередь отменить самое первое событие. Это ломает цепочку, но не прерывает её полностью, что может привести к новым неизвестным негативным последствиям. Поэтому остальные события тоже придётся защищать, убирать затухающую волну после устранения первого звена цепи.

Оптимальный вариант оказался в убийстве пьяного водителя. Да неужели? Неожиданно. Ну да ладно. Мы на месте. В темноте, как тени, скользим по незнакомому городу к нужной точке – к бару. Из бара вышла цель. Вышел. Слегка пошатываясь, с горящим взглядом. Там, я смотрю, не только алкоголь в крови бурлит. Малый арбалет. Стреляю. Всё?

Вот чего я точно не ожидал от пьяного, вышедшего из бара, – его защиты и контратаки. Он рукой отбил стрелу и пальнул из огнестрела в ответ. Меня зацепил по касательной. Мой брат уже сбоку. Атакуют ножом, завязалась драка. Я подлетел следом, схватил сзади цель, сворачивая шею и давя на болевые точки. Обычно это дело секунды. Здесь объект сопротивляется и хрипит. Ещё нажмём, включая внутренний резерв, мысленно проговаривая атакующую магическую формулу. Выключен. Контрольный – инъекция яда. Уходим. Вышедшая охрана что-то кричит далеко позади. Аналитики, мать их, не предупредили, что цель – не простой обыватель. Обыватель не отбивает рукой стрелу от арбалета.

Рана слабая. Залепил. Прочёл исцеляющую формулу. Создаём портал, летим по цепочке дальше.

Человек, которого должны были сбить. Его просто усыпляем. Полдня проваливается во сне, даже медики не разбудят. Но предусмотрительно оставляем спящую тушку возле больницы.

Следующая. Грёбанные порталы. Чуть не тошнит после каждого. Не любит мой желудок такие перемещения. Ювелирная галерея, богатейшая выставка, только два дня. Великий Алмаз Чавичи. Здесь светлое время суток. Галерея открыта. Вон вор, изучает место работы. Толпа народу. Плавню подходим. Инъекция сна. Относим в подсобку. Надели маски, выскочили, кинули газовые шашки. Пять секунд, вся толпа спит, охранники тоже валятся в кучу. Берём Алмаз, пихаем его в карман старшему охраннику. Сигнализация вовсю орёт. После такого происшествия охрану утроят. Алмаз будет под более надёжной защитой, никуда не денется.

Вышли из галереи. Надо отойти в сторону и сделать портал. Вроде бы можно возвращаться на базу. Уточнить у аналитиков, порвалась ли цепь, всё ли устранено. Нас сбивают с ног. Твою же мать! Защиты выдержали, но атака была магической. И тут налетели какие-то бойцы в чёрном. Глаза у них странные. Не как у нас. А без зрачков, чёрные и узкие. Эти физически атакуют, магической атаки прямой нет, лишь магические талисманы их усиливают, чувствуют.

Бьёмся с братом бок о бок. Бойцы не умирают от наших ударов. А должны бы. Ого. Замечаю краем глаза – вон поодаль сидит дама и усиливает эту ораву. Так, играть уже надоело. Кидаю в даму энергетический жезл Вольтара. Попал. Дама улетела, опрокинулась навзничь. Есть шанс, что выживет. Маленький, но есть. Берёмся с братом рука за руку и начинаем читать Имена Власти. Нас охватывает огненное яркое пламя, становясь всё горя-

чье и расширяясь во все стороны. Мгновение, и вспышка сожгла атакующих и раскидала их частями по кустам.

Чую, снова идёт атака тонким планом. Брат делает портал. Я вырисовываю на земле семь разноцветных сфер, читаю заклинание, покрывающее пространство вокруг нерушимой защитой: «...Et Dominus Nominum inviolabili bono...» Товарищ выстроил переход, летим в круговерть на базу.

Вот мы на базе, только вышли из пространственно-временного туннеля. Тут всё тело зазудело, я начинаю чесаться. Я смотрю на руки, чешу лицо – с меня слезает старая кожа, крупными кусками. Толстая и сухая кожа. И она действительно старая, будто сушилась годами где-то на солнце.словно линька у змеи. Я стою в испуге и шоке и спрашиваю у товарища:

– Брат, что это? Что мне с этим делать? Может быть, собрать старую кожу и сохранить, ведь она может ещё пригодиться?

– Брось молот ерунду. Старое должно быть откинута и уничтожено.

Я трогаю лицо и ощущаю новую кожу, а ещё я не узнаю своего лица, оно изменилось...

Всё слилось в единый калейдоскоп, потом наступила тьма, я куда-то провалился.

Ещё тогда, в эти медитативные три дня я вспомнил о своих приступах в родном доме. Когда я падал замертво, помимо моей воли, и зрил видения. Наникэй тогда сказала, что это из-за пробивающейся и растущей Силы, что приступы пройдут, когда я начну обучение магии у Учителя. И вот удивительно, что с момента, как я ушёл искать Учителя, и мой жизненный путь привёл меня к Мастеру Азриэлю в качестве слуги, у меня больше не было приступов. Хотя магии я не обучаюсь. Очень странно... Неужели Наникэй ошиблась?

Меня привели в чувство приближающиеся к моему коробу шаги.

– Александр, просыпайся. Трое суток уже прошло, – услышал я ставший привычным голос Мастера. – Сейчас не произноси ни слова, снимай повязку и тихонько выходи. Заговоришь, когда я скажу.

Я аккуратно снял повязку. За пределами короба уже ярко светило солнце. Оно проникало даже сквозь закрытые веки. Я попробовал открыть глаза, будучи в полутьме каменного дома. Это оказалось больно, пришлось снова их закрыть, и немного проморгаться. И всё равно мне пришлось около минуты щуриться, пока не привык к свету. Только потом я медленно вылез, выпрямился, затёкшие кости захрустели.

– Так, парень, сейчас громко и искренне прокричи своё самое горячее желание в настоящем времени! И представь его ярко уже воплотившимся, прямо узри его! – воодушевлённо сказал колдун, озорно и хитро глядя на меня.

Недоумение отразилось на моём лице, но я не осмелился перечить Мастеру:

– Я обретаю Учителя в магии! – неистово и неожиданно для себя громко крикнул я.

Перед моим взором вспыхнула ярким пламенем картина, в которой я стоял на коленях, а некий Учитель в балахоне, который скрывал его лицо, посохом прикасался к моей голове. Мне было не узнать своего голоса в крике. Было ощущение, будто звуковые волны, извергаемые мною, стали плотными, как пространство над костром, их можно было пощупать, заметить пристальным внимательным взглядом. Они прорывали ткань мира. И словно эхом отразились в горах от моего возгласа.

– Да будет так! – громко подтвердил отшельник.

– Что это было, Мастер Азриэль? – услышал я уже свой привычный голос. – Почему мой голос был другой, и почему такая реакция мира?

Мастер улыбался:

– Ты три дня молчал и ничего не видел. В твоём взгляде и голосе накопилась Сила. И ты её выбросил с жёстким намерением и искренним желанием души и сердца. Это желание копилось,

зрело, усиливалось, вело тебя по пути. И оно выстрелило. И ткань мира начала плавиться, твоё желание ушло, твои линии судьбы будут меняться.

– Это магия?

– Да, и это тоже магия. Видишь, необязательно совершать какие-то специальные ритуалы и призывать силы иных миров.

Было ещё одно необычное для слуги задание от Мастера – читать книги. У отшельника было много магических трудов. Когда я убирался в его комнате, то невольно затаивал дыхание от ощущения силы, что шла от этих древних фолиантов и гримуаров. Комната мага скорее напоминала кабинет. Возле окна располагался огромный древний стол из чёрного дерева, на котором лежали книги, какие-то записи мага, перо и чернильница. Небольшой камин в стене. Рядом с камином кочерга, несколько дров, отдельная металлическая жаровница. С десятков разных подсвечников, разных форм и размеров с целыми и частично прогоревшими свечами располагались по всей комнате. В противоположной стороне от стола стояло старинное большое кресло. Думаю, здесь и присаживались гости во время своих нечастых визитов к магу. И книги, книги, книги. Самый большой деревянный шкаф был полностью заполнен разными изданиями. Немало среди них было и на неизвестных мне языках – так, по крайней мере, судил я по корешку. Потому что прикасаться Мастер мне не разрешал, а я и не осмеливался своевольничать – всё равно отшельник узнает. Так и глядел со стороны. Ещё там стоял волшебный, как я называл про себя, чёрный комод, наглухо закрытый. За всё время я ни разу не видел его открытым. Скорее всего, отшельник там хранил особо ценные или особо опасные магические артефакты.

Раз в неделю Азриэль давал мне один из своих гримуаров, заставлял меня читать какой-то отрывок вслух, а потом рассказывать, как я его понял. В такие моменты я сидел в его комнате на полу, постелив циновку, а Мастер зажигал пряные травы и смотрел отрешённо далеко и сквозь пространство, слушая моё чтение. Надо сказать, что я не посещал школу – в нашей деревне её просто не было. Кому было очень нужно – ходили в школу за несколько вёрст в соседнее село. Но грамоте всё же я был обучен. Моя бабушка научила меня в детстве писать, читать и считать. Каждый раз я вспоминал её с теплотой и благодарностью. И это умение от наникэй мне сейчас очень пригодилось.

Мастер Азриэль, сколько я его знал, никогда не был особо словоохотливым и болтливым. И после того, как я прочитывал отрывок из книги, рассказывал, как его понял, он внимательно слушал меня, но не давал своих объяснений. Говорил только «хорошо» или «подумай ещё над этим, как будет время». Если я уже тогда чувствовал в себе талант философа, риторы, имел склонность к длинным пространственным рассуждениям и объяснениям, как с самим собой, так и с учениками в будущем, то Мастер Азриэль был в большей степени прагматиком и считал, что теория понимается через практику. И практика стояла на первом месте. А иногда просто нужно было время для созревания и осознания каких-то вселенских истин, независимо от практики. Потому как бывают некоторые вещи, до восприятия которых нужно банально подождать, дорасти.

Книги были действительно разные. Были и по магии, в прочитанных отрывках которых объяснялось строение мира, строение тонких тел человека, направление текущей энергии, история появления мира и человека, место человека в мире. Ещё была у Мастера Азриэля интересная большая Библия. Со Святым Писанием я поверхностно ознакомился ещё при жизни в лоне семьи. Но эта Библия была иная. Она была толще и больше. Я спросил у Мастера, почему она другая. На что сначала получил ответ «Подрастёшь – поймёшь!», а потом всё-таки Азриэль пояснил, что классическая Библия – это собрание только канонических текстов. А в его Библии собраны как канон, так и апокриф – писания, отвергнутые священниками по тем

или иным причинам. И там говорилось много чего интересного, что было для меня в новинку. В том числе встречались упоминания о реинкарнации.

Такой багаж новых знаний мне вливался, а потом переваривался и усваивался в течение недели в процессе нелёгкой работы для тела, когда я мог одновременно медитировать над прочитанным и постигать скрытый тайный смысл посланий святых и магов.

Убийство

В моей жизни слуги был момент, который калёным железом врезался мне в сердце и в память. И, думаю, никогда не сотрётся оттуда. Слишком болезненный был опыт, хоть и жизненно важный.

Для охоты маг использовал силки, которые плёл сам из пеньковой верёвки вперемешку с конским волосом. Расставлял их по лесу штук десять-пятнадцать. Потом на следующий день мы шли и вместе их проверяли. Мастер убивал ножом или топориком попавшегося зайца или тетерева, а я тащил тушки с собой.

В один из дней мы, как обычно, пошли проверять силки. Первые несколько ловушек были пустыми. А вот в очередной из них оказалась крупная дичь: в силках запуталась молодая лань. Несмотря на её размер, две задние лапы увязли, и она не могла вырваться. Лань лежала, глубоко дыша, а когда она услышала наше приближение, то задышала ещё сильнее, забила передними копытами, пытаясь отползти. Тщетно.

– Сегодня дух леса щедр к нам, слуга Александр, – сказал Мастер, доставая топорик, который завсегда висел у него на поясе во время охоты.

Мастер сделал пару шагов к лани, потом остановился, будто задумавшись, и повернулся ко мне. Засунул топорик за пояс и вынул свой огромный охотничий нож, протянул рукоятью ко мне.

– Держи. Твоё время становится охотником. Надо убить лань. Перережь горло, не по центру, а чуть сбоку. Только сначала прижми её голову ногой, иначе будет лягаться.

Я ужаснулся. Липкая дрожь пробежала по животу.

– Мастер, нет! Я никогда никого не убивал, кроме куриц, – проговорил я.

Я действительно никогда не резал таких больших животных, даже домашний скот. Дома обычно с этим прекрасно справлялся отец. Да, здесь я научился убивать куриц. Но их глупый взгляд ставил куриц с их яйцами в один иерархический уровень в моём видении. Как-то не получалось таких жалеть. А здесь в глазах лани видны разум, эмоции и страх!

Мастер Азриэль продолжал держать нож:

– Бери. Режь. Жёстко и твёрдо. Без жалости. Лань уже обрела смерть. Ты – слуга, я говорю тебе – режь!

Дрожащими руками я взял нож. Какой же он тяжёлый, не легче топора... Подошёл к лани, она забрыкалась, но силы её покинули в бесплодных попытках вырваться. Она просто глубоко дышала и обречённо смотрела на меня своими большими чёрными глазами. Я видел отражение своих зелёных глаз в её затравленном взгляде. Она с ужасом смотрела на меня. Я прижал её голову ногой к земле, лань снова забила передними копытами, рискуя попасть по мне, и тогда мне пришлось придавить их еще и левой рукой, оставив для ножа свободной лишь правую.

Было невыносимо жалко лишать её жизни. Несколько раз я в нерешительности подводил нож к горлу животного и не мог двинуться дальше. Не мог. Кто я, чтобы лишать это прекрасное существо жизни? Так я думал тогда. Ещё, наверное, с пару минут я боролся с самим собой, нависая над обезумевшим от ужаса животным. Горячие слёзы текли у меня по щекам и капали на лань. Не выдержав терзаний совести, я откинул нож.

– Простите, Мастер, я не могу... Я не могу убить её. Она же живая, посмотрите в её глаза: она буквально молит о пощаде!

Мастер молча взял нож, отодвинул меня в сторону, прижал голову лани и резким ударом топора отсёк её. Голова легко отделилась от тела. Азриэль что-то шептал. Тело животного билось в агонии.

Когда кровь немного стекла, а тело перестало двигаться, я привычно взвалил на себя тушу, и мы повернули назад. Азриэль шёл впереди, не говоря ни слова. Я был в поникшем настроении и ощущал слабость в ногах.

По возвращению домой мы так же молча освежали тушу, разделили её на отдельные куски мяса, после чего небольшую часть я сразу поставил готовиться в печь, а остальное убрал в бочку с солью. Шкуру лани я вынес на улицу и замочил в кадучке с отваром из диких трав и коры деревьев, густо сдобренных все той же солью.

За домашними хлопотами я полностью успокоился и, к тому времени как приготовился ужин, явственно ощутил усталость и голод. Я достал из печи румяное мясо и подал на стол. И вот тут Мастер Азриэль отодвинул от меня ароматный кусок и запретил мне есть.

– Ты не заслужил еды. Ты не смог добыть себе пищу, – маг отломил кусок мяса, обнюхал его и, удовлетворенный запахом, начал трапезничать. – Вместо этого плакал и размусоливал какие-то нюни, что не можешь убить. Во всех мирах все друг друга едят, – продолжил свою поучительную тираду Азриэль, тщательно пережевывая и наслаждаясь едой. – Боги едят людей, люди едят животных, животные едят траву и других животных, – тут Мастер откусил очередной кусок мяса. – И только паразиты едят всех, – с этими словами маг окинул меня взглядом с ног до головы, задумчиво выдержал паузу и отправил очередной сочный кусок себе в рот.

Пока Мастер насыщался, всё это время я отводил взгляд от еды и переминался с ноги на ногу, не решаясь уйти.

– Это круговорот жизни и смерти, – закончил наконец колдун. Утёр жир с губ и подбородка, швырнул полотняную салфетку на стол. – Убери со стола! – приказал маг и отправился к себе.

Я сглотнул комок обиды. Уже так жутко хотелось есть после нескольких вёрст с тушей на плечах, домашних дел и готовки, что я не выдержал и крикнул Мастеру вслед:

– Мастер, можно мне хоть что-нибудь съесть? Я же умру без еды!

– Так умри! – вспыхнул Азриэль. – Умри, если не способен бороться за себя, за своё выживание в этом мире! К чему слабаки этому миру хищников?! Только в качестве еды. Не сможешь бороться с хищниками или самому стать хищником – так сам станешь добычей, и тебя сожрут!

Вспышки молний пробежали по синева его глаз.

– Ты не будешь есть, пока не справишься. Пока не усвоишь этот урок. Я всё сказал, – отрезал Мастер и ушёл к себе.

А я с обидой и грустью вернулся на кухню и выпил много-много воды. Пить мне, по крайней мере, не запрещали. Спал я в ту ночь плохо. Мне снилась еда. Хотелось не просто есть, хотелось дико жрать.

На следующий день я занимался мездрением²¹ шкуры, старательно выскабливал этот жировой слой. Силы меня покинули. Уже не так сильно хотелось есть, но слабость наполнила все чресла. Потому вся работа давалась с трудом. Отшельник вновь ушёл в лес ставить силки.

К вечеру я валился без сил от усталости и голода. Живот глубоко втянулся, скулы впали. Я начал сильно мёрзнуть. На ночь дополнительно укрылся одной из шкур, что были в запасе. Это помогло согреться. Чуть-чуть. Всё равно было холодно. И я несколько раз просыпался от дрожи и сосания под ложечкой.

Новое промозглое и голодное утро. Я. Хочу. Есть. Мои мысли занимала еда. И слабость. Выполнять работу по дому становилось всё тяжелее. То я в своих мечтаниях возвращался к манящим пахучим образам еды, то улетал куда-то высоко в лимб, где нет образов и идей, только нечто бесплотное и бесконечное, словно голое небо без облаков. Периодически на несколько секунд я впадал в протрацию и отрешённость, зависая в неподвижности.

²¹ Мездрение – удаление со шкуры подкожного слоя – мездры.

После очередного обеда (которого у меня не было) Мастер позвал на охоту, пришла пора проверить силки. Я шёл за отшельником, периодически спотыкаясь и теряя концентрацию внимания. Первые несколько силков – ничего. Остальные – ничего, один из силков был порван. Видимо, случайно попался сильный зверь. Подходя к последней из поставленных ловушек, я снова завидел молодую лань, попавшуюся в силки двумя задними лапами. Просто какое-то дежавю.

– Сегодня дух леса щедр к нам, слуга Александр, – сказал Мастер, доставая топорик, который завсегда висел у него на поясе во время охоты. – Силок последний из наших. Символически твой последний шанс. Держи.

Мастер засунул топорик за пояс и вновь протянул мне рукоятью свой огромный нож.

– Режь. По горлу. Справа. Жёстко и без жалости. Ты ешь, тебя едят. Это закон миров во Вселенной.

Я взял нож. Подошёл к лани, заглянул ей в затравленные глаза, нырнул в чёрный омут отражений своих глаз, зелень которых ярко была видна. И пришло осознание в тот миг, что я и лань – мы едины в своей роли в Мироздании. Мы часть круговорота жизней и капли в общем море этой большой Игры под названием Вселенная. Я – это она, она – это я как воплощенные эйдосы единого Абсолюта в разных телах, как частицы этого Абсолюта, постигающего самого себя через нас как через разные грани. Я ем себя, отдавая себя в жертву себе. Я убиваю себя, становясь жертвой самому себе.

Ещё в тот миг увидел я, что жизнь и смерть – единое целое. Без еды я медленно умираю, силы покидают меня. И чья-то смерть продолжит мою жизнь, как смерть растений и грибов продолжали жизнь этой лани. И смерть одинакова для нас, она всегда рядом, она всегда наблюдает. И в любой неожиданный момент она может перенести нас через Калинов мост, через реку Стикс, через реку Маналу, через реку Гёллль, через Ахерон, через мост Аментет на другую сторону. Мы все равны. За смертью идёт жизнь. И только через смерть возможна жизнь. За жизнью идёт смерть. И только через жизнь возможна смерть. Смерть и Жизнь – это как две сестры-близняшки. Даже более того: Смерть и Жизнь – это два лика одной и той же богини, что приходит на роды и даёт дары жизни, а потом приходит на смертном одре и забирает в посмертие, помогая существу в качестве проводника на ту сторону. И жалеть жизнь – обижать смерть. Бояться смерти – обижать жизнь. Потому что они равны и равноценны в Мироздании.

Я подошёл к лани, наступил на голову, резко рубанул ножом снизу вверх. Кровь хлынула потоком, лань забилась. Ещё с полминуты трепыхалось тело в агонии. Всё. Ни одной эмоции не родилось в моём психическом поле, ни ряби не пробежало по гладкой поверхности души.

Мастер пристально смотрел на меня, потом забрал нож, вытер его о листву:

– Ты усвоил урок, мой слуга Александр. Похвально.

В этот раз Азриэль сам донёс тушу до дома. И разрешил мне поесть. Только прежде всего заставил съесть зелень и кашу. Так что мясо я готовил уже относительно сытым. Жареная лань пошла мне уже как лакомство, долгожданное лакомство. И очень-очень вкусное. Мало я могу припомнить моментов в своей жизни, когда еда казалось буквально пищей богов.

Ученик

Два года пробыл я слугой в доме Мастера Азриэля. За это время я возмужал, окреп от постоянной физической работы и каждодневного стояния в позе всадника. На лице вовсю уже лезла щетина, которую я пока не брил, не видя в этом необходимости, потому как ни с кем не общался, кроме хозяина Азриэля. А вот волосы отрастил длинные в подражание Мастеру. Для удобства завязывал их шнурком в хвост.

Я исправно выполнял свои обязанности. Жил – не тужил, если не учитывать, что червячок сомнения внутри меня непрестанно тревожил. Глодал меня и нащёпывал, что надо бы учиться магии, а здесь я напрасно трачу время в прислуживании. Вот такой вот червячок, а, может быть, и змей-искуситель, который гложет и сбивает всех без разбора, даже адептов Левой Руки или служителей Второй Тьмы. С точки зрения обывательского мировоззрения, православных попов и святош это как-то непонятно и нелогично: как змей может есть или сбивать с пути своих же? Ведь по их мнению, сторонники тьмы (без разницы какой там тьмы, ибо внешний религиозный круг христианства не осложнен разветвлённой мифологией, причисляя к бесам всех остальных богов, кроме их единственно правильного) поклоняются змею как ключевому символу. Персонификация в виде главного демона прилагается.

Возможно, кто-то действительно служит, потому что слуги есть везде, и в любом направлении существуют свои жрецы, пифии, адепты, глашатаи, пророки и миссионеры. Это тоже вариации служения, только уровень разный, задачи разные, сила их отличается – некоторых и слугой язык не повернется назвать, тут ведь как посмотреть. А кто-то и не служит, а уподобляется бунту тех, кто посмел бросить вызов Демиургу и сумел обрести свою жестокую свободу, поставив главным авторитетом и объектом поклонения не внешнего бога или демона, а собственный Дух. В одной из известных религий Ахриман не требует поклонения и служения себе, но подаёт пример для подражания и уподобления, учит обретению собственного Бога в себе, учит становлению Богом. В этом суть и квинтэссенция Левого Пути, а совсем не те сказки, что баяли и бают священники своей пастве.

Сомнения начинали грызть меня всё сильнее. Я был молод, горяч, мне хотелось обучаться чародейству, стать настоящим магом. Пока же я научился отлично готовить, превосходно рубил дрова, виртуозно и долго смотреть в точку на стене, научился убивать зверей. «И где же здесь магия?!» – спрашивал меня недовольный нетерпеливый внутренний голос. А я и не понимал, что ответить, потому что не знал, куда идти обучаться, где искать Учителя.

Я честно пытался заглушать этот внутренний голос, игнорировать его, не обращать внимания. Но он, словно снежный ком, набирал силу, становился мощнее, плотнее и назойливее, всё чаще колол меня своими иглами неуверенности в своих действиях и звал отправиться на поиски дальше. Настал час, когда я не мог более не замечать эту распирающую меня изнутри энергию, не мог не слышать этот Зов, лишивший меня даже сна.

Наконец, я решился подойти к Мастеру и спросить, куда я могу пойти искать Учителя, ибо неумоготу, ибо я не могу больше сопротивляться этому Зову – я должен учиться истинным знаниям, ведовству, я должен стать магом, в этом я вижу и чувствую смысл. Тут бесполезно объяснять с помощью логики, это понимание лежит за её пределами. У каждого человека в жизни свой путь, своя стезя, свои задачи, миссия, своя роль. И его тянет в собственную индивидуальную сторону заниматься именно чем-то своим не потому, что это престижно, прибыльно, выгодно, модно, удобно, а потому что он не может не заниматься этим. Воин всю жизнь сражается и защищается, потому что он не может этим не заниматься; маг изучает оккультную науку и практику, потому что он не может не идти путём магии – это их природа и сущность. Так и я чувствовал себя, всем нутром стремящимся к познанию тайных наук.

Я подошёл к хозяину с твёрдым намерением спросить у него, где мне искать Учителя, в какую сторону мне направить свои стопы. Решимость и намерение мои затвердели и стали к тому времени непоколебимыми. Я был готов уйти на поиск, пусть даже Мастер Азриэль и не даст мне ответ и подсказку. Мастер сидел в своём кабинете и писал за столом, по обыкновению зажгя благовонную траву со смолой ладана в курильнице. Густой ароматный и пряный дым расстилался по комнате.

– Мастер Азриэль! Прошу прощения, что вас отвлекаю. Но у меня важный вопрос.

Отшельник отложил перо и развернулся на своём высоком чёрном, под цвет стола и из той же древесины, стуле. Его синие глаза смотрели цепко и пронзительно, словно он проник в мою душу и уже знал заранее, что я скажу. Я прокашлялся и заговорил:

– Мастер Азриэль, я вам рассказывал свою историю, как у меня были приступы, как бабушка отправила меня искать учителя магии. Также вам известно, что Матушка Каракосх отказала мне в обучении, Мастер Сербаз не взял меня в ученики, зато проводил меня к вам. Но и вы не взяли меня в ученики, зато приютили меня в качестве слуги, за что я вам безмерно благодарен. Но я не могу так больше, меня раздражает изнутри, Оно зовёт меня. Я чувствую, что должен обучаться магии, должен развиваться дальше. Подскажите, Мастер, куда мне отправиться на поиск Учителя?

Волнуясь, я даже слегка сбивался в речи и переминался с ноги на ногу. Мастер вздохнул, не отводя своего тяжёлого взгляда.

– Я тебе посоветую пока идти куда подальше с глаз моих, наивный мечтатель! – зло и жёстко ответил маг. – А если точнее, то на сегодня ты освобождён от своих обязанностей. Отправляйся-ка в свой каменный короб и помедитируй до утра. Тема твоей медитации «Почему я не созрел учиться магии. Почему я такой неблагодарный. И почему я такой недалёковидный». Всё, свободен!

Отшельник высказался и повернулся обратно к столу, показывая, что разговор окончен. Кровь прилила к моему лицу, обида подступила к горлу. Ну что ж, я уже принял решение и не пойду в короб, а пойду искать Учителя. Ведь я уже решился уйти, даже если Азриэль мне не ничего не подскажет. И тут внезапно я почувствовал резкую слабость и понял, что теряю сознание...

Я стою, надо мною яркое чистое голубое небо, лишь пара маленьких белых облаков проплывает вдали. Ослепляющее солнце в зените. Куда ни глянь – вокруг одно небо, во все стороны до горизонта. Понимаю, что я во сне. Но куда бежать не хочется, я здесь как зритель.

– Это люцидник, – подсказывает мне гулкий голос сверху. Этот голос всеобъемлющ, он будто заполняет всё пространство вокруг.

– Что такое люцидник? – тонким, не своим голоском спрашиваю я, пытаюсь разглядеть обладателя голоса сверху.

– Это сон-символ, который показан тебе. Ты не можешь влиять на события сна, хоть и понимаешь, что это сон. Это знак, важная информация, – раскатисто прогрехотал голос.

С трудом мне удалось извернуть голову кверху и увидеть огромного орла, который плавно опускался ниже ко мне, и вскоре его тень заслонила меня от слепящих лучей солнца.

– Чего ты хочешь больше всего, птинец? – спросил орёл.

– Я хочу летать! Я хочу такие же большие крылья, как у тебя! Я чувствую, что летать – это моё! – пропихнул я.

– Ха-ха-ха! – медленно рассмеялся исполин. – Взгляни же на себя! Да-да! Просто посмотри на себя!

Я посмотрел на свое тело, на свои бока и понял, что я – птица, вот перья, вот крылья. И я лечу! Внизу размытыми очертаниями сквозь рваные тучи виднелась земля. Мне стало страшно: а вдруг я упаду?

– Не бойся, малыш, ты уже летишь, ты уже умеешь летать, у тебя уже есть крылья. Ты будешь расти, сможешь летать всё выше и лучше, а крылья твои станут большими, как у меня.

Орёл спустился ещё ниже ко мне, и я увидел его большие ярко-синие глаза...

Прихожу в себя. Открываю глаза. Лежу на полу. Скосил взгляд – Мастер Азриэль зажигает свечу в подсвечнике. Завидев меня в сознании, он подошёл ближе.

– Очнулся-таки, парень. С час, наверное, провалялся. Я тебя даже не трогал.

Я не спешил подниматься, ощущая некую специфическую, почти забытую слабость и жутчайший холод в груди, будто сверху на меня насыпали лёд. Такое своеобразное ощущение всегда нападало после приступов.

– Мастер, у меня снова был приступ. Впервые за два года.

– Я так и понял, – задумчиво произнёс Азриэль, – Сила вновь стучится, хочет подняться на новый уровень реализации и свободы. Видимо, ты действительно созрел для следующего этапа, для индивидуального обучения...

В тот момент удача, или уж ангел-хранитель, или мой собственный дух пнули меня, то есть осенили своим тонким дуновением, и я догадался вновь просить у Мастера:

– Мастер Азриэль! Прошу вас, возьмите меня в ученики! Я буду самым старательным учеником!

Мастер очень загадочно улыбнулся, посмотрел в потолок и ответил шёпотом:

– Ты уже умеешь летать. Теперь надо учиться лететь выше.

И уже обычным голосом добавил:

– Так и будешь лежать в непотребной позе? Может быть, встанешь и попросишь нормально?

Я поспешно встал, аж слегка закружилась голова. Преклонил одно колено.

– Мастер Азриэль, прошу вас, будьте моим Учителем! Возьмите меня в ученики!

– Я принимаю твоё прошение, слуга Александр. Но не даю ответа тотчас же. Потому что ты не совсем осознаёшь, на что ты идёшь, что от тебя потребуется.

– Я готов на всё, Мастер! – поспешно и горячо ответил я. – Жизнь сама по себе не имеет ценности, если она не наполнена личным смыслом.

– Смотри, – продолжал отшельник, – твоя воля станет моей волей, ты будешь мне подчиняться. Это раз. Твоя жизнь превратится в каждодневную битву, не только с собой, со своими слабостями, с трудностями самого жизненного уклада. Но и с внешними врагами. Это будут настоящие ведьмы и маги, духи, демоны и другие существа. Слабостям и жалости больше не будет места. Это не вопрос прихоти, а вопрос выживания. Это два. Ну а три: от тебя требуется жертва, уже здесь и сейчас на этом этапе.

– Какая, Мастер? – затаив дыхание, ещё не веря происходящему, спросил я.

– Ты должен отказаться от семьи. От своей прошлой семьи. Ты поклянёшься, что вольно или невольно не будешь искать встречи с ними. Ты и так более двух лет их не видел и ничего не слышал о них. Но ты должен осознать и добровольно сделать выбор. Это будет твоей крупной жертвой. Я не прошу от тебя ответа сейчас. Скажешь его мне через три дня, которые ты проведёшь в медитации в каменном доме, – глаза мага ехидно улыбнулись, или же мне просто надумалось.

– Снова в повязке? – скривил я лицо.

– Нет. Возьми с собой хлеба и воды, повязка не нужна, но будешь соблюдать молчание эти три дня. По завершении которых дашь мне ответ. Подумай хорошенько, взвесь всё. Всегда есть выбор, всегда есть выход. Сила, что разрывает тебя изнутри и ищет применения – не приговор. Я могу её закрыть у тебя. И вновь она проснётся лишь в следующем воплощении. Либо ты сможешь отдать её мне добровольно, тогда ты вернёшься обратно в отчий дом и будешь вести

прежнюю жизнь. Ведь именно из-за этой Силы тебе пришлось отправиться на поиски. Не будет силы – не будет проблем и ответственности с ней. Ступай.

Времени на раздумья у меня было достаточно. Я погрузился в себя и окунулся в сомнения. Не ожидал такого поворота. Да, я уже больше двух лет не видел родных, не знаю, как они там. Не знаю даже, жива ли там моя наникэй, ведь она уже старенькая. У меня не было уверенности, что я смогу увидеть родной дом вновь. Но глубоко-глубоко в душе теплилась крохотная надежда, что однажды настанет миг, когда приеду хотя бы в гости и повидаяю родных. Теперь же я должен вычеркнуть эту надежду навсегда. И больше никогда не пытаться вернуться домой. Всё ради того, чтобы начать обучаться магии.

С другой стороны, маг-отшельник указал мне на возможность, о которой я не имел ни малейшего представления: шанс отказаться от Силы, отдать её, не слышать более её Зов, вернуться назад обычным человеком. Вести обычную жизнь, не будет больше приступов, не будет видений, не будет щемящей тоски в сердце по чему-то непонятному и неизведанному.

Внутри я замер, аки буриданов осёл, не зная, что выбрать. Интуиция мне кричала, что я и Магия неразделимы, она в моей природе и сущности. Разум мне твердил, что можно отказаться от магии и спокойно жить.

Мнение интуиции я понял. Осталось разобраться с разумом, понять, чего именно он хочет и какие у него аргументы. Разум любит убедительные логические доказательства, чётко взвешенные факты, понятные ему аргументы и доводы.

Я увидел перед внутренним взором большие весы. На одной чаше справа лежал отказ от магии и возвращение домой, на другой чаше слева – окончательный отказ от родственников и начало магического обучения. Начал насыпать мысли в обе чаши:

- возможность жить обычной жизнью – направо;
- постигать неизведанное – налево;
- предсказуемость и стабильность, жена, семья, родственники – направо;
- непредсказуемость, обретение Силы – налево;
- не будет приступов и угрозы для окружающих – направо;
- так и здесь не будет приступов и угрозы окружающим – налево;
- ещё налево я положил уверенное мнение интуиции в противовес колеблющемуся разуму. Весы слегка склонились в левую сторону.

Разум предпринял последнюю отчаянную попытку, заговорив во мне моим же голосом:

– *Ты больше никогда не увидишь папу, маму, сестру, наникэй, если станешь учеником чёрного мага.*

– Я уже ушёл от них, и ничтожен шанс увидеть их вновь.

– *Тебе постоянно придётся сражаться. Очень быстро можешь проиграть и умереть. И жертва твоя будет напрасной.*

– Путь Мага – это Путь Воина. Я готов к этому. И я не вижу смысла в прозябании жизни без наполнения её значимыми и судьбоносно важными событиями и вещами.

– *Это твоя лишь самая первая жертва. И она уже так высока. Представь, какие будут жертвы дальше.*

– У меня нет ничего моего, что принадлежало бы мне. Нет ничего постоянного. У меня нет даже возможности точного планирования, потому что жизнь постоянно вносит свои коррективы. У меня нет уверенности в завтрашнем дне.

Внутренний голос замолчал, не зная, что противопоставить. А я положил на правую чашу себя прошлого, свою прежнюю жизнь. Весы перевесили вправо. А слева я положил свою смерть, что даст переход к рождению не человека Александра, но мага. И я готов умереть, если это необходимо для движения дальше. Весы колебались: то левая, то правая чаша опускалась вниз. Как наяву, показались передо мной мои родичи: отец, мать, сестра, любимая наникэй.

Я смотрел на них, они были совсем близко. Печаль накрыла меня. Это пришла печаль расставания.

«Прощай, отец, я люблю тебя. Возможно, мы ещё увидимся в эонах», – сказал я, и образ папы растворился.

«Прощай, мама, я люблю тебя, мы ещё не раз пересечёмся в Вечности», – и образ мамы растворился.

«Прощай, моя сестра, у нас нет с тобой долгов и привязок», – и образ сестры растворился.

«Прощай в этой жизни, моя любимая наникэй. Ты мой первый Учитель. Но мы обязательно увидимся», – произнёс я, а слёзы самовольно текли, обжигая щеки.

«Прощай, балам. Мы скоро увидимся. Вечность имеет свойство проходить быстро», – ответила моя бабушка, и её лик растворился во тьме.

Левая чаша весов с большой скоростью полетела вниз, правая чаша опрокинулась, весы перевернулись. Я принял окончательное решение, я готов принести себя всего, свой уютный прежний образ, что является лишь лёгкой временной пылью на вечном лице Духа, в жертву Себе. Ради развития, ради роста, ради смысла.

Отведённый мне на размышления срок истёк. Мастер Азриэль подошёл к коробу. Приложил палец к губам.

– Тсс! Только не разговаривай пока, ещё немного сохрани молчание. Я задам вопрос, а ты кивни либо помотай головой. Итак, ты готов совершить жертву, пройти Посвящение и стать учеником чёрного мага?

Я плавно и отчётливо кивнул.

– Хорошо. Я ожидал такого ответа. Но всё же всегда существует свобода воли и противодействию ходу судьбы. Тогда Посвящение проведём сегодня, уже скоро. До него тоже сохрани молчание, заговоришь уже во время инициации. Эта энергия понадобится тебе. А теперь затопи баню, Посвящение следует принимать очищенным. И продолжай держать пост: только хлеб и вода.

Я истопил баню. По очереди мы с Мастером помылись. Азриэль выдал мне белый балахон длиной до щиколоток. Сам же он был одет в фиолетовую мантию. Мы прошли в его кабинет. На полу был начерчен круг и различные, незнакомые мне знаки и символы. По четырём сторонам горели свечи в подсвечниках, дым благовоний витал в воздухе, окно в комнату было слегка приоткрыто.

– Вставай в круг предо мной, претендент Александр! – Мастер указал красивым резным посохом на Центр круга.

Я впервые видел этот посох у Мастера. Видимо, он хранился в том волшебном шкафу под замком. Посох был явно сделан из кости, изображал он извитое тело змеи с двумя головами, чёрной и белой.

Босиком, в белом балахоне на голое тело, с распущенными волосами я встал напротив Мастера.

– Преклони одно колено, человек Александр!

Я опустился на одно колено, а Мастер Азриэль развернулся в противоположную от меня сторону, направил посох перед собой и начал читать короткое заклинание:

– *Атуом Вагэм Аззэу Веграм Теззо Сео Ваам!*

Трижды он прочитал его в одну сторону, потом повернулся строго направо и повторил. Так он прочёл эту формулу на все четыре стороны света.

Удивительным образом изменился его голос. Обычно слегка глухой, с небольшой хрипотцой, во время чтения волшебных заклинаний голос Мастера наливался силой и мощью, становился звонким, твёрдым, певучим. Слова его камнем падали и звенели, разрезая пространство, утверждая закон произнесённого и утверждённого незримыми свидетелями, что были призваны в пространство инициации.

После полного круга Мастер вновь оказался спиной ко мне и трижды прочитал: *«Равухх, вэйя додан шахад!»* Потом развернулся лицом ко мне и, глядя поверх моей головы, протяжно и твёрдо сказал: *«Ухав-Махса, вэйя додан шахад!»*

Потом Мастер обратился ко мне с вопросами:

– Клянёшься ли ты, что ты отдаёшь мне свою волю, чтобы стать иным существом?

Я почти тряся, меня так сильно будоражил этот обряд. Но сомнений не было, я их откинул в каменном доме.

– Клянусь!

– Клянёшься ли ты, что отрекаешься от своей семьи, чтобы обрести новую жизнь?

– Клянусь!

– Клянёшься ли ты идти путём мага, несмотря на смертельные опасности, дабы подняться над Смертью?

– Клянусь!

Маг с неким воодушевлением посмотрел на меня. Когда-то и он был на моём месте.

– Тогда отныне и навсегда в этой жизни нарекаю тебя Андаром! Это твоё первое магическое имя внешнего круга. То имя, которое вводит тебя в первый круг чернокнижников, то имя, которое можно произносить прилюдно и по которому к тебе будут обращаться.

Мастер Азриэль поднял посох и остриём его прикоснулся к моей голове. Меня словно пронзила молния, всё тело задрожало, я закрыл глаза от напряжения. Но и по внутреннему взору пробегали фиолетовые молнии. Тело моё бросило в жар, я вспотел.

Маг-мистериор опустил свой посох и отошёл на шаг назад, поднял руки в позу Оранта²²:

«Вызываю и призываю

Силы ветров, силы земли, силы огня,

Силы воды, силы звёзд и силы времени.

Да войдут они и наполнят Андара, стоящем

На камне основ, имя которому Абузаар!

Я, Азриэль. Я, Ар-Ми-Рин-Зи. Я, Айоданн Мангоа,

Астад-мабди²³ Анхра-Майнью,

Говорю и творю это действие

Во имя и силой всех духов и теней, что подчинены мне!

Да исполнится Андар силой и могуществом,

Да обретёт власть над тенями, дэвами и отражениями!

Как покорялись дэвы Ахриману и были частью его, так

Покорятся и Андару!

Что находится внизу, подобно тому, что находится сверху.

Чудесной силой сплетения тьмы, тени и дыма наполнится Андар!

Пусть в силе он пребудет всегда,

А слово его навеки будет верным и твёрдым!

Пусть враги его станут пылью,

А Андар обретёт власть над светом и тьмой!

Сила Сил и Основа Основ через меня, астад-мабди Азриэля,

на ключе Владыки Раххана Аспати Аратром Лидан

Гамор Усса Мертаб Гавазза снизойдёт и утвердит сказанное!

Да свершится!

Да будет так во имя Зариха!

²² Поза Оранта – от лат. «молящийся». Поза для воззваний и молитв. Человек стоит прямо, руки подняты и согнуты под углом, ладони открыты и обращены от человека.

²³ Астад-мабди – девятая инициатическая ступень в ахриманизме. Мастерская. Соответствует ступени «Магистр Храма» в иерархии герметической традиции Ордена Золотой Зари.

*Да будет так во имя Тапрана!
Да будет так во имя Араш-Савара!
Арез».*

Мне почудился ветер со всех сторон, жаркий и горячий. Виделось, будто Мастера окутал чёрно-белый туман, который сплёлся, но пока не смешался воедино. И тут Мастер Азриэль направил посох на меня, и весь туман вошёл в моё нутро. От внезапности ощущения я едва не вскрикнул! Огромная сила наполняла меня, чёрное и белое вдруг разом сплелось во мне в одно целое, в единый серый сплав. Я трясся, дрожал и шатался, не в силах пошевелиться. Хорошо, что стоял на одном колене, иначе просто упал бы, не удержавшись на ногах. Поток вошёл в меня, наполнил и стал со мною нераздельным. Хор каких-то голосов быстрым шёпотом наперебой затараторили в голове. Не знаю, сколько это длилось, несколько секунд или целую вечность. Наконец всё закончилось.

Мастер Азриэль опустил посох.

– Вставай, ученик Андар. Поднимайся, неофит Андар. Поздравляю тебя с твоим вхождением в круг магов, дарх-миад²⁴ Андар! Всё прошло хорошо, духи были благосклонны и приняли тебя.

Это был триумф счастья! Наконец-то я обрёл Учителя, наконец-то я буду обучаться магии! Мечта сбылась. Я приподнялся и поклонился Учителю:

– Благодарю вас, Учитель!

В ту ночь мне снилось жертвоприношение, где жертвой был я. Связанный по рукам и ногам, я лежал на алтаре, а вокруг клубился сизый дым и летали серые духи. Мне было тревожно и слегка страшно в ожидании неизвестного. Я увидел, как надо мной склонился Учитель, почему-то у него из головы росли длинные рога. В руках у него был огромный двусторонний кинжал, которым он проткнул мне грудь чуть ли не насквозь, при этом духи вокруг, как толпа зевак, одобрительно загудели. Я был так поражён и ошарашен происходящим, что не мог пошевелить ни единым мускулом и тем более не в состоянии был издать какой-либо звук.

Тем временем Учитель с видом заправского мясника разрезал мою грудную клетку, вынул оттуда ещё бьющееся сердце и откинул его куда-то в сторону. Проследить, куда именно, было невозможно из-за густой дымовой завесы, но, как только горячая плоть гулко коснулась земли, тут же раздалось смачное чавканье. Потом Мастер откуда-то достал горящий, в буквальном смысле объятый пламенем ярко-красный камень и аккуратно вложил «огонь» в мой живой труп. Как только камень недостающим пазлом оказался в углублении на месте живого сердца, а маг убрал свои руки от нового сердца, разрез на груди тут же затянулся.

После Учитель одним мощным ударом отсёк мне голову. Я видел всё это со стороны. Мне стоило бы больше ужасаться, но это начинало как-то становиться привычным, что меня уже регулярно режут и убивают. Я просто наблюдал в отстранённом лёгком шоке. Вот мою голову накрыл выдвинувшийся сизый дым, словно длинное щупальце какого-то живого существа протянуло свою конечность. Потом дым отполз назад, головы моей на месте уже не было, и снова раздалось чавканье.

Мастер Азриэль достал другую голову – она выглядела так же, как и моя, только с двумя рогами. Рога были покороче, чем у Учителя. Он приладил голову к шее трупа, и она мгновенно приросла. После чего мой мистериор достал свой волшебный посох, прижал его конец к моей груди и начал читать заклинание. Мощная, ярко-сине-серебряная молния пронзила всё тело насквозь, приподнимая его над алтарем. Несколько секунд бездыханное тело зависало в свободном полете, содрогаясь от импульсов, бьющих фонтаном из орудия мага. Закончив

²⁴ Дарх-миад – первая инициатическая ученическая степень в ахриманизме. Соответствует ступени «Неофит/вступающий» в иерархии герметической традиции Ордена Золотой Зари.

колдовство, Мастер опустил посох, и тело рухнуло на жертвенник, ещё раз подпрыгнуло, и я ожил.

Тонкости мастерства

Итак, через два года своего пребывания у Мастера Азриэля в качестве слуги я поднялся до уровня ученика. Хозяин стал Учителем. Не могу сказать, что моя жизнь прямо сразу кардинально изменилась. И да, и нет. Все мои обязанности по дому и хозяйству остались прежними. Добавилось магическое обучение, как теоретическое, так и практическое.

В целом же на тот момент я был ещё наивен и счастлив, что Учитель взял меня в ученики и начал обучать. Действительно, это важный этап, значительный рубеж – момент официального признания, получение настоящего «живого» посвящения в ученики на этом плотном физическом плане. А моя наивность, как я понял уже через несколько лет обучения у Азриэля, заключалась в том, что я думал о начале магического обучения только с момента этого официального посвящения в неофиты, в дарх-миады. Хотя на самом деле Мастер начал меня обучать гораздо раньше – с того самого момента, когда взял меня к себе слугой.

Он заставлял меня стоять в позе всадника, тем самым я уже прорабатывал своё физическое, эфирное и витальное тело. Развивал энергетические центры – Муладхару, Свадхистану и Манипуру²⁵, тем самым развивая волю, стремление, выносливость, силу, повышая иммунитет, пластичность и регенерацию, усиливая концентрацию, внимание и укрепляя щупальца намерения²⁶ как орган тонкого витального тела.

Вся тяжёлая работа по дому аналогично укрепляла мои нижние тела и чакры (Муладхара – физическое, Свадхистана – эфирное, Манипура – витальное).

Медитация на точку ещё сильнее растила мою волю и намерение, а заодно усиливала мой «третий глаз» – Аджну-чакру²⁷.

Чтение гримуаров, апокрифов и иных магических трудов, а также последующее рассуждение и анализ прочитанного увеличивали мой багаж знаний и эрудицию, повышали уровень магической теории, развивали моё ментальное тело, его способности и возможности, расширяли Аджну и Вишудху²⁸. Это колоссально укрепляло мой интеллект, память, красноречие, способности к анализу и синтезу, к поглощению огромных объёмов информации и оперированию с ними в рекордно короткие сроки. Это же выстраивало трамплин к миру идей через расширяющееся воображение, способности к визуализации и представлению.

Трёхдневные марафоны молчания давали ядерный взрыв энергии в чакре Вишудхе, надевая слово Силой Закона, чтобы уже только им можно было трансформировать эту плотную реальность по своей воле. А добавляя сюда укреплённые концентрацию и намерение, можно было сказать твёрдо, что я встал не просто на Путь Мага, а на путь к обретению божественности. Ибо плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. И плох тот маг, что не мечтает стать богом.

Более того, Учитель дал мне первое посвящение, дал мне огромный заём Силы уже в первую же ночь, когда я ночевал у него. На это и указывал тайный символический смысл моего сна-видения в ту ночь.

²⁵ Муладхара – в индийских эзотерических учениях орган тонких тел. Первая чакра снизу из семи существующих. Цвет красный. Отвечает за физическую силу и здоровье. Этой чакре соответствует физическое тело человека, первое из семи существующих. Свадхистана – вторая чакра снизу. Цвет оранжевый. Отвечает за молодость и сексуальность. Этой чакре соответствует эфирное тело человека, второе из семи существующих. Манипура – третья чакра снизу. Цвет жёлтый. Отвечает за волю, деньги, гнев. Этой чакре соответствует витальное тело человека, третье из семи существующих.

²⁶ Щупальца намерения – орган витального тела. Отвечает за намерение, проявляется вовне как сила воля, как намерение. Можно использовать для атаки и нажима на энергетику и сознание других людей.

²⁷ Аджна – шестая чакра снизу. Цвет синий. Отвечает за ясновидение, интуицию, концентрацию внимания. Этой чакре соответствует казуальное тело человека, шестое из семи существующих.

²⁸ Вишудха – пятая чакра снизу. Цвет голубой. Отвечает за мышление, интеллект, красноречие. Этой чакре соответствует ментальное тело человека, пятое из семи существующих.

Все эти тренировки готовили меня к дальнейшему обучению, давали мне базу, основу энергетики, чтобы мои тонкие тела окрепли на нижних трёх ярусах и стали способными вмещать огромные объёмы энергии и выдерживать дальнейшие ритуалы и инициации с высокими вибрациями. Сосуд должен быть огромным и крепким, чтобы впустить в себя священное пламя Фохата²⁹ и не разлететься на мелкие осколки. Тренировки энергетики одновременно косвенно и по соответствующим связям прорабатывают способности сознания. Тренировки сознания затрагивают и усиливают энергетику. Левое тесно связано с правым, а правое с левым. Взаимосвязь и взаимозависимость.

А ещё просто нахождение рядом с Учителем столь высокого уровня даёт огромный рывок в магическом и духовном развитии. На востоке это называется «шактипат». Личная Сила Учителя наполняет пространство и всех, кто находится в нём. Она индуцирует живые и неживые объекты, заражая полностью – и сознание и энергетику – своей вибрацией. Более высокочастотный объект приводит более низкочастотные объекты в резонанс с собой. Это физика. Зачастую просто пару лет жить рядом с таким Учителем, убираться по хозяйству даст больший толчок в развитии, нежели годы самостоятельной магической практики по книгам.

Но всё это я осознал лишь спустя несколько лет. Когда моё сознание ещё немного созрело, и я стал видеть и понимать больше.

Как я уже упоминал, мой Учитель в целом не любил длинные пространственные теоретические объяснения, дабы не уподобляться философам, которых он называл демагогами и «ментальными мастурбаторами». При этом, однако, признавал, что некоторые идеи этих словоблудов вполне достойны ознакомления с ними. Поэтому в библиотеке мага были сочинения древнегреческих и древнеримских философов. Учитель упоминал о них, да и вообще вскользь и обобщённо говорил про тех, кто стоял у истоков наук, что они практически все являлись посвящёнными магами, состояли в магических орденах или ковенах. Но это было сокрытой частью их жизни. Что не оставило след в истории. А если и оставило, то только на эзотерическом уровне, не дойдя до экзотерических философских книг, где представлены лишь труды и достижения человеческого рации, правой стороны, но не магии, левой стороны бытия.

Но теперь я стал уже не слугой, но чело́й, то бишь учеником, неофитом, дарх-миа́дом. И отмашка Учителя «Подрастёшь – поймёшь!» от моего назойливого и любопытного разума отныне стала звучать реже. Подробные объяснения стали появляться чаще в речи Мастера Азриэля. Но всё же основным методом обучения он считал и щедро использовал – метод самостоятельного постижения. Ученик идёт сам, Учитель лишь подсказывает ему дорогу и направляет, иногда берёт за шкирку и возвращает на путь истинный, если ученик начинает уходить слишком далеко с тропы познания в заблуждение.

На некоторые вопросы Учитель отвечал и подсказывал, объяснял тонкости законов магии и правила выполнения ритуалов. Например, для проведения атаки недостаточно просто сделать один ритуал и всё, дело в шляпе. Это целая отдельная оккультная наука, имеющая свои общие законы и частные вариации проявления в зависимости от используемой магической традиции, от выбранного метода и от самого оператора, от его Личной и Магической Силы³⁰

²⁹ Фохат – духовный божественный огонь.

³⁰ Личная Сила – магическая сила, полученная в наследство по роду, имеющаяся с прошлых жизней, сила собственной энергетики. Магическая Сила – сила, полученная от эгрегоров, культов и божеств. Достигается обычно после подключек, инициаций, посвящений. Отображает уровень и статус в той или иной магической традиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.